

A detailed illustration of a medieval castle perched on a steep, rocky cliffside. The castle features a prominent tall tower with a conical roof and several smaller buildings with blue roofs. The scene is set against a backdrop of a cloudy sky and a body of water at the base of the cliff. In the top right corner, there is a circular icon containing the text '12+'.

12+

Елена Демченко
И принц на белом коне

Елена Юрьевна Демченко И принц на белом коне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62632981

SelfPub; 2020

Аннотация

Иногда желания исполняются не совсем так, как хотелось бы...
Прежде, чем пожелать, подумай!

Пролог

– Эх, девчонки! – Ника, подперев щеку, вертела свободной рукой фужер за тонкую ножку. Фужер давно опустел и даже успел высохнуть, хотя еще издавал тонкий аромат дорогого вина. – Жизнь уходит, а нич-чего интересного...

– Ну, уж тебе грех жаловаться! – вторая из моих подруг с экзотическим именем Юнна, уписывала салат за обе щеки. (Юнка на диете и постоянно жует что-то низкокалорийное, дабы заглушить не проходящее чувство голода. Мы ей давно говорили и не раз, бросай свою диету, что, мол, истязашь себя, тем более что результаты весьма скромные! Не сказать – никакие. Да и фигура от природы у нее вполне пропорциональная – все, что надо, на месте и объем имеет достойный. Прибавьте ко всему розовые щеки, светлую пушистую косу и озорной блеск в глазах. Может, и не эталон современной фотомодели, но деваха приметная. Весьма! Но у Юнны воля в этом вопросе обрела прочность стали. Хочу худеть, буду худеть! До пятидесяти килограмм. Сколько понадобится! Мы с Никой только головами покачали. Такими темпами желанную комплекцию подруга обретет лет через двести.

В отличие от Юнки я не сильно переживаю по поводу фигуры. Если набираю пару лишних кило, легко сбрасываю бегом, диетой. Если захочу. А так, чего – и кого! – ради костями греметь? Возлюбленный, буде оный явится, пусть принимает меня такой, какая есть. Захочет фотомодель, – адью, дорогой, ищи себе сисястую швабру, а я «красоты» ради не стану

ни грудь увеличивать, ни форму носа менять. И худеть до анорексичного состояния. В итоге это же буду совсем не я!

А вот венчающая нашу троицу Ника вообще не страдает комплексами. И мужским вниманием не обделена. Все, вроде, есть – квартира, машина, дача, гардеробчик нехилый такой, внешность актрисы. Только счастья нет. Опасаются мужики успешных красавиц, тушуются подле такой вот... Ники. Не задерживаются. А она – по ее словам! – с радостью жила бы в малогабаритной «однушке» и кормила вечерами любимого пельменями из супермаркета. Придуривается, конечно. Для любимого можно и расстараться, а не месиво варить. Да и «однушка»... У нее гардеробная таких размеров. Вряд ли захочет переехать в шкаф. Даже счастья ради. Но при всем Ника – отличная девчонка. Мы дружим со школы, и она нисколько не кичится своим достатком. Даже наоборот – стесняется. А что стесняться? Был бы у меня папаня-бизнесмен да еще и американец...! Хотя мы с Юнкой подруге не завидуем. В конце-концов каждый должен пройти свое испытание – кто-то бедностью, кто-то богатством. И неизвестно, кому легче и проще жить.

– Давайте выпьем!

Подскочивший официант услужливо наполнил бокалы.

– Не! – покачала головой Юнка. – Мне хватит.

– Давай-давай! – Ника велела приказным тоном. – В своем инстаграме можешь рассказывать, как отказывалась от коллекционного вина, а с нами пей.

– Я где-то читала, – Юнка грустно заглянула в опустевший фужер, что в мире обязательно есть кто-то, кто о тебе мечтает. Именно о тебе!

– Да? – сощурилась наша богатая красавица. – Может, и есть. Только что ж он замечтался вконец? Мужик должен действовать, а не валяться на диване в грезах.

– Почему обязательно на диване? – вступилась подруга за неведомого мечтателя. – Может, он и ищет. Только пути не пересекутся никак. Но однажды...!

– Угу! – покачала головой Ника. – Ешь свой салат. Кажется, тебе действительно хватит на сегодня. А ты, Марусь?

(Терпеть не могу, когда меня называют Марусей. Я – Марианна. Можно Мария. Иногда в шутку именуют Марией-Антуанеттой, – это терпимо. Но «Маруся»!..Фу! Такая вольность прощается только двум близким подругам.)

– Что?

– Что думаешь?

– Ничего я не думаю, – буркнула. – Только в бульварных романчиках неожиданная и прекрасная лубофф. Жизнь – совсем другое.

– Романчики? – хихикнула захмелевшая Юнка. Похоже, ей весело. Ну, хоть кому-то! – ты читаешь романчики? Про... лу-у-у...бофф?

– Ничего подобного! – возразила. (Не совсем честно. Да, читаю. За последнее время проглотила несколько книг, но сознаваться в этом, да еще в таком контексте...! Бульварное

что-то – драконы, принцессы... – но почему-то затянуло. Романтики захотелось?)

– Читай Достоевского, развивайся интеллектуально! – по-серьезнела Юнка. – «Белые ночи»...

– «Братья Карамазовы», – кивнула я. – «Преступление и наказание», «Идиот». Пятнадцать раз читала! А «Белые ночи», кстати, о мечтателе. И все романы, заметь, о мужиках, об их переживаниях и метаниях. Женщины там существа второстепенные. На заднем плане. Фоном. И вообще! Можно подумать мужчины – центры вселенной, и живем мы ради того, чтобы один из них однажды-таки сполз с дивана и осчастливил! В мире, знаете ли, много интересного и без них.

Поглощенная употреблением салата Юнка не нашлась, что ответить. Или не захотела.

– Эх, – опять вздохнула Ника. – Знать бы, где она, жизнь настоящая?

– А вокруг что, не жизнь?

– Ну... – покачала головой подруга. – Конечно. Все от нас зависит... Но как-то оно... невесело.

– Ты, значит, веселья хочешь? – хмыкнула я. Глянула на вторую подругу. – А ты? Чего хочешь ты?

– Луб...вы, – с набитым ртом ответствовала толстушка.

– Ясно, – отослала жестом официанта (все равно чаевых не дождетсЯ. Рада бы, да зарплату задерживают уже три месяца. Подливай – не подливай пьяненьким дамочкам, а на-

вару не будет. Во всяком случае, от меня). Плеснула в бокалы кроваво-красной жижи... Вина! Вина, конечно, не жижи. Если бутылка жижи стоит три моих зарплаты, то заслуживает благородного названия и уважения. Хотя бы видимого, потому что на вкус... жижа! Не ценитель я марочных и коллекционных напитков.

Глянула сквозь вино на свет хрустальной люстры. В бокале плясали золотые искры. Красиво!...

– Давайте что ли? За женщин, держательниц мира! И за исполнение желаний!

Три фужера соединились с хрустальным звоном. Золотистое облачко искр взметнулось к потолку и опало, рассыпавшись тонким фейерверком.

– Пора домой, – Ника устало поморгала, одолевая сонливость, положила в красивую кожаную папку со счетом четыре красных бумажки с красивыми числами. – Кто со мной на такси?

Юнка как школьница подняла одну руку, второй продолжая запихивать за щеки остатки салата. Хомяк, да и только!

– Марусь?

– Идите, – махнула рукой. – Мне недалеко. Дойду пешком. Проветрюсь.

Глава первая.

Проснулась я от непонятного густого запаха. Явно не ду-

хов! А чего?

Порыв ветра приятно обдул лицо, унося с собой амбре. На несколько секунд.

Ветер... Окно что ли забыла закрыть? На улице совсем не июнь! И даже не май!.. Надо встать, затворить. И занавески задернуть, а то больно светло. Поспать бы еще чуток. Голова гудит после вчерашнего и совершенно не варит. Благо сегодня воскресенье. На работу не надо. А я к тому же и в отпуске. Бесплатном, правда.

И что в конце-концов может так вонять?!

Разлепила глаза и не сразу сообразила, где нахожусь. А точнее, где лежу!.. Боги все милостивейшие! Это что?! Что, я вас спрашиваю?! Что за субстанция?!..

Я, конечно, глубоко городской житель, к сельскому хозяйству отношение имеющий исключительно утилитарное. Потребительское. В рамках овощного и молочного отделов супермаркета. Но все же наличествует какое-никакое образование, пусть даже техническое, и достаточное, чтобы опознать... Перепревший навоз. Я! Без пяти минут кандидат наук изволю валяться на куче навоза?! На краю огорода. (Если ровные рядки весело зеленеющих кустиков пасленовых – не картошка, то, не знаю, не знаю!)

Подпрыгнула бы, если бы подстилка не оказалась столь мягкой и внушительной по объему. А так только сильнее перемазалась, пока выбралась.

Выбралась куда?! Ладно. На твердую поверхность и в вер-

тикальное положение. Буду изучать вопросы по порядку.

Вопрос первый. Где я?

Огляделась. Лес вдалеке. Поближе два ряда покосившихся деревянных домишек, обнесенных плетеными изгородями, по краям дороги. Если эту испещренную рытвинами просеку можно так назвать, дорогой, то есть. Понятно. Дачный поселок, хотя и весьма бедный, а значит, прилично удаленный от Столицы, центра и цивилизации вообще, ибо в окружных садовых товариществах сплошь особняки и дворцы. Поскромнее Эрмитажа, но пороскошнее типовых городских застроек.

Допустим. Вопрос второй. Как я сюда попала? И для уточнения – что помню со вчерашнего дня?

Э-э-э... Мы сидели в ресторане. Кто «мы»? Ника – она же Вероника Марченко, Юнна Беляева, – мои школьные подруги. Ну, и я, конечно же, Марианна Вестфаль. (Не слишком по-русски звучит, но кровей в нашем роду намешано столько, что чистую этническую принадлежность и не определить!) Собственной персоной. Наряженная в лучший брючный костюм и модельные туфельки...

Оглядела себя. Безусловный плюс в том, что костюм и туфельки не пострадали от ночевки в куче грязи. Скорее всего. Не пострадали по той простой причине – а вот это уже минус и следующий вопрос! – что надето на мне... что?! Какая-то хламида! Платьем-то назвать трудно – нечто длинное, с лохматыми, необработанными краями, из грубой ткани непо-

нятного цвета. К тому же перепачканное и пахнущее тем, в чем я ночевала. Ну, или проснулась. Ага, навозом! На огородное пугало сей шедевр портняжьего искусства надеть постеснялась бы. А оно на мне!

Так. Кажется, отошла от порядка расследования. Что было после ресторана?

М-м-м-м... Девчонки пошли на такси. А я? Я немножко еще посидела, и... И? И всё. Больше в памяти ничего не сохранилось. Как добралась до дома? В котором часу? С кем? Кто мог подобным образом подшутить надо мной – вывезти в неизвестную местность, переодеть и бросить?! Кто из знакомых не побоялся бы безвременной лютой смерти после такой шутки? Хм...

У ближайшего домика со скрипом распахнулась дверь, выпустив наружу колоритного дедка. Вернее, он сначала показался дедом из-за длинной бороды, а на деле оказался вполне себе нестарым мужиком лет сорока. Правда, несколько тщедушным и невысокого росточка. Мужик зевнул, потянулся, почесал пузо, потом глянул в мою сторону.

– Оклемалась?

(Он меня знает?! Во всяком случае, не удивился.)

– И чё стоишь, зенками лупаешь? Работы непочатый край. Долго будешь прохлаждаться, лентяйка тупая!

(Чего-о-о?!)

– Э-э-э... Извините, а...

Бородач махнул рукой досадно.

– Иди в дом. «Рубаху переодень, чернавка вонючая, – проворчал», – говорили, не бери, говорили, дура! Так нет же! Не послушал! Соблазнился дешевизной.

Ушел в избушку. Путаясь в полах длинной хламиды, я метнулась следом.

– Подождите! Подождите, мужчина!

Он приоткрыл дверь.

– Чего?! Я – Хозяин! Забыла, что ль?

– Хозяин, да, – кивнула согласно. Бог с тобой, именуйся хоть султаном, хоть президентом, только будь добр что-то объясни. Для начала. – а... а где здесь можно помыться?

Не нашла ничего лучшего спросить. С другой стороны, какой уважительный диалог можно вести с такой ... Как он меня назвал? Чернавка?

Мужик покачал головой.

– Ты еще тупее, чем я думал! Баня ток на Большую седмицу, не господу чай! Вон, река за огородами. И рубаху сполосни!

Кинул мне серый сверток.

– Держи. Да не рассусоливайся там. Дел невпроворот.

И хлопнул дверью перед моим носом.

Река так река. Хотя в моем представлении река – это что-то величественное, глубокое, полноводное, с плывущими лайнерами, а не пятиметровой ширины ручей с черной водой, илистыми берегами, поросшими острой осокой. С за-

вихрениями по течению. Кажется, такое завихрение называется омут. В котором кто-то недобрый изволит пребывать.

Нашла подгнившие, разбухшие от влаги мостки, спустилась с берега. Однако нырять не рискнула. Помылась, зачерпывая воду ладонями. Прополоскала хламиду, развесила на кусте сушиться.

Серый сверток оказался точно такой же хламидой, по крайней мере, относительно чистой, в которую я и облачилась, недовольно отметив, что другой одежды на мне почему-то нет. Ну, да ладно. Разберусь постепенно.

Посидела на берегу, обсыхая сама и ожидая пока высохнет постиранная рубашка.

Что если все происходящее – не шутка, а совсем наоборот? Странная местность, странный мужик. Бездорожье. Не то чтоб совсем бездорожье, но следов транспорта нет! Только вмятины – характерные, округлые вмятины. Сходила, присмотрелась. Следы копыт? Может быть. Даже очень вероятно, раз тут деревня. Значит, коровы. Отсюда и копыта. Хотя на некоторых следах явный отпечаток подковы. Лошади? Тоже вписывается в общую картину. Но отсутствие мало-мальски завалящего трактора в хозяйстве и, естественно, следов оного, наводило на грустные мысли. Совсем уж глухомань? Настолько, что сами ткут и шьют хламиды? Для чернавок вроде меня. Мужик одет понаряднее! И пояс плетеный красный! Хозяин, стало быть! И что-то упоминал про цену... Меня продали и купили? Вот этот бородач купил? Хозяин...

По крайней мере, на бордель не похоже. Вряд ли жрицы любви держали бы в таких условиях. Значит, если меня продали, то не в публичный дом. Уже хорошо! Уже плюс. Я вообще оптимист по жизни, и считаю, что не бывает безвыходных ситуаций и положений, когда настолько плохо, что не может быть еще хуже. А со всем прочим можно разобраться.

Избушка, где проживал бородач, назвавшийся хозяином, изнутри выглядела точно также, как и снаружи, то есть совершенно непритязательно. Грубый стол у окна, пара лавок у стен, печь на полкомнаты. Вот и вся мебелировка. В прихожей – сенях? – лестница, ведущая под крышу. Не стала проверять, что там. Не захотелось даже любопытства ради лезть на чердак. Да и звуки оттуда неслись странноватые – не то сопение, не то храп. Кто-то еще тут живет?

И только одна деталь интерьера вызвала удивление. Мягко говоря. Икона! На положенном месте, в углу комнаты, напротив двери. Обрамленная полотенчиком, с тлеющей лампадкой, – все, как полагается! Вот только лик на дощатом прямоугольничке... Не Иисус, не святой какой-нибудь, а глаз! Стилизованное изображение глаза. Очень похожее на древнеегипетское. Что бы сие означало? Судя по удаленности деревушки от цивилизации, я скорее бы поверила, что жители вообще не знают о существовании Египта! А тут на-те вам! Или же хозяин – сектант?..

Мужичонка сидел за столом у окна и жевал кусок хлеба,

запивая молоком из крынки. Чавкал так смачно, что мой желудок громко напомнил, что неплохо бы и в него закинуть чего-нибудь съедобного. Мужик кинул на меня мимолетный взгляд, как на муху, залетевшую в форточку, и продолжил трапезу.

– Доброе утро! – постаралась быть вежливой.

Мужик не ответил.

– Я бы хотела поговорить. Не ответите на пару вопросов? И... поесть, если можно.

Бородач снова глянул. На муху.

– Еду заработать надо! – чав-чав-чав. – В горнице прибере, – чав-чав. – Воды наноси. Огород пора прополоть.

Вместо меня хозяину ответил мой желудок. Громко и настойчиво. Бородач усмехнулся, потом отломил небольшой ломоть хлеба. Кинул мне.

– Держи, дура.

– Спасибо, – кивнула. (Я вежливая, вежливая!) Присела напротив мужика за стол. – Всё-таки я хотела бы кое-что узнать. Например, кто меня продал?

– Да откель же я знаю? – чав-чав-чав. – Проезжал мимо люд странный. На ярмарку поди, – чав-чав. – Предложили за пару грошей девку. Чего не взять? Я один. Помощница в хозяйстве не лишняя. Да и баба мужику завсегда нужна, а своя есть своя. Все не по кабакам шариться. Так что деньги получили, тебя с обоза скинули, да далее и поехали. Совсем не помнишь? Дюже во хмелю была! Бормотала чего-то несвяз-

но, а после и вовсе захрапела.

«Странный люд», «два гроша», «баба для хозяйства»?! Я куда попала?! А главное – как? Или... Или я умерла? Здравствуй, Преисподняя?.. Но не сплю, точно.

– А... местность как называется? Деревня ваша.

– Село! Село Семиречье. Еще десятину годов назад семь рек было, – отчего название и пошло. Сейчас одна, и та под земь уходит, незнамо отчего. Так, глядишь, через пару десятин Пустошью именовать начнут, ежели и Сумерь, последняя наша, иссохнет.

– А город? Есть город поблизости?

– Эх, загнула – «поблизости»! Город! До первого посада седмица пути! И то, ежели коней на свежих менять. До столицы и вовсе лунный коловрат.

– Это... месяц что ли? – уточнила.

– Четыре седмицы. Один коловрат. Лунный. Солнечный – тринадцать лунных с походом. То ж и мелкотня знает. Ты откуда свалилась такая неграмотная?

– Знать бы, откуда, – буркнула. – Да по чьей воле...!

– Ну, меня сие мало занимает. Руки-ноги на месте, стал быть, работать можешь. Остальное – Сету в пасть.

– Кому?! – округлила глаза.

– Сету, – удивился бородач. – Грешному и мятежному сыну Гора Великого и Светлого, Крылами Застилающего. – На этих словах он приложил ладони ко лбу, затем поднял кверху. Христианин бы перекрестился, упоминая имя бога, а это

что за жест?! Точно – сектант. Или ненормальный.

– Ты и этого не знаешь?! Или веру мою испытываешь? Так охолопись! Не таким, как ты дано и позволено! Или ты – волхова?

– Нет, – растерялась я.

– То-то и оно. Устал, однако, с тобой лясы точить, – мужик вытряхнул в рот последние капли молока из кувшина, вытер губы рукавом. Гулко срыгнул.

– Речёшь странно. Из благородных што ль? Чтоб ты знала, мне все равно. Будь хоть царица-королевишна. Покуда под моей крышей, без дела сидеть нельзя. Непозволительно.

Выпрямился, упер руки в бока, навис надо мной волосатой глыбой. Хозяин!..

– Что делать умеешь? Прясть, ткать? За скотиной ходить?

– Вязать умею, – мрачно ответствовала, одновременно пытаюсь обдумать план дальнейших действий. – Шить немного. Рисовать. Макраме плести.

– И всё? Не густо. Готовить могёшь? – кивнул на печь.

Если и могу, то, уж конечно, не на подобном монстрообразном сооружении.

– Пошли на двор, – скомандовал и первым шагнул за дверь. Я пока не придумала, что делать и последовала за Хозяином. (Вот черт, надо было хотя бы имя узнать! Как обращаться. Я ж ему не рабыня! Или рабыня?! Чернавка... Ничего. Посмотрим еще, кто из нас кто!)

– Держи! – сунул мне в руки охапку пахучей травы, нере-

ально яркого изумрудного оттенка. – Для начала сходи к Еремеихе. Третий дом по солнцу.

Махнул рукой в сторону крайней избушки, до которой топтать, вообще-то не меньше километра.

– Отдашь зеленец и попросишь закваски хлебной для Кирьян Савича. Величать меня так. Но для тебя – Хозяин. Поняла?

– Поняла, – буркнула в ответ.

– Да смотри сама от травы нос подальше держи. Нанюхаешься, сомлеешь.

В сенях избушки я нашла какие-то лапти сорок последнего размера. Они болтались на ногах, как пляжные шлепанцы, но босиком топтать по колючей траве и рытвинам не хотелось, так что я терпела. Шла и старалась не вдыхать сладкий аромат травяного снопа в руках. Колоски и стебельки лезли в нос, щекотались; я отворачивалась, но, похоже, в итоге слегка все-таки надышалась наркотическим запахом, потому что голова кружилась, а в ушах волнами накатывал и отступал непонятный шум.

В «третьем доме по солнцу» меня, как ни странно, уже ждали. На крыльце стояла опрятная бабулька в расшитой затейливыми узорами рубахе и сарафане поверх неё. Тоже с вышивкой по подолу и вокруг горловины. Голову старушки покрывала белая шапочка, вокруг которой аккуратно уложена толстая седая коса, – интересная мода!

– Добрый день, – выглянула я из-за снопа. – Кирьян Савич...

– На стол клади под навес, – ткнула пальцем бабка в сторону двора.

Я с облегчением плюхнула стог пахучего сена на грубый дощатый стол и перевела дух. Буквально! После аромата травы чистый воздух казался сладким и освежающим. В голове начало проясняться.

– В дом иди! – кивнула бабка. Вошла за мной следом.

Я огляделась. Точно такая же избушка, что и у «хозяина», с той лишь разницей, что стены чисто выбелены, печь расписана затейливыми узорами, кругом вышитые салфеточки, занавесочки... Заметно присутствие женской руки. Да, и в сенях на стенах развешаны пучки трав свежих и сушеных, на полках пузырьки и бадейки с какими-то зельями или варевом. Я попала в дом к травнице? Или настоящей ведьме? Все может быть в этом лучшем(?) из миров, как сказал какой-то мудрец. Древнекитайский. Кажись.

Бабка стояла за моей спиной и явно чего-то ждала. Что я должна сделать? Поклониться? В ножки бухнуться?

– Отчего Господа не приветствуешь? – строго спросила ведьма, кивнув на икону с глазом в красном углу комнаты. – Али язычница?

Мамма миа! Деревня сектантов! А неверующих в египетский пантеон бросают в жерло действующего вулкана? Или приносят в жертву на кровавом алтаре? Не хотелось прове-

рять. Жестом Хозяина приложила ладони ко лбу, потом подняла их вверх.

– Слався Гор великий, крылами застилающий... – пробормотала все, что вспомнила из тирады бородача.

Вроде так. Надеюсь, ничего не перепутала.

– То-то же! – одобрила бабка. – Нездешняя поди?

– Издалека, – кивнула я.

– Проходи, садись.

Бабулька явно подобрела. Поставила передо мной миску какой-то каши, кружку с молоком. Села напротив.

– Ешь. И рассказывай. Кто такова, откель явилась?

– Не помню, – развела руками. – По словам Кирьяна Савича меня привезли на каком-то обозе и продали ему. За два гроша.

(Вот последнее вообще очень обидно! Дешево же я обошлась Хозяину!)

– Этот своего не упустит, – понятиливо кивнула головой старушенция. Хмыкнула. – Два гроша, говоришь? Ну и ну!

– Он закваски просил. За траву.

Я выскребла остатки каши, едва удержалась, чтобы не облизать ложку. Каша оказалась вкусной, а я – очень голодной.

– Спасибо большое. Вы чудесно готовите.

– На здравие.

Посуду, из которой я ела, хозяйка сложила в узелок. Протянула.

– Бери. Из чужой посуды не ешь, и свою никому не отда-

вай. В дороге пригодится.

– В какой дороге? Я еще должна куда-то отправиться?!

Или вы про дорогу домой? Знаете, как вернуться??

– Сама пришла, – пожала плечами бабка, – сама уйдешь.

– Куда? Куда мне идти?

– Откель мне знать?

Потом поставила на стол небольшое деревянное ведро с пузырящейся массой. В нос ударил запах спирта и какой-то кислоты. Это что за отрава? Пресловутая закваска? Фу!

– Печь умеешь? – И, не дожидаясь ответа, принялась объяснять процесс приготовления хлеба. – Кружку болтушки, четверть пуда муки, крынку молока перемешиваешь...

Назад я топала в своих ужасных лаптях, осторожно неся и стараясь не расплескать кислую смесь в ведре, что оказалось непросто. Не привыкла я скакать по кочкам в странном подобии обуви, которая вдобавок к жесткости мигом натерла, похоже, все пальцы сразу.

Чем ближе подходила к дому хозяина, тем острее чувствовала какую-то опасность. Что-то было не так, хотя не могла понять, что именно меня встревожило.

У плетня, фыркая и перебирая копытами, стояли две лошади в полной сбруе, с небольшими тюками, притороченными к седлам. Сквозь распахнутую дверь избушки внутри слышались шаги, негромкие мужские голоса. А во дворе, на земле, раскинув руки, в луже крови лежал недвижно Кирьян

Савич, мой хозяин и повелитель. Без признаков жизни.

Глава вторая

От неожиданности я выронила ведро с закваской. Оно гулко ударилось о землю. В избушке тут же прекратились разговоры, и на крыльцо выскочили два мужика. Один постарше, пониже ростом, одет по-крестьянски – в рубаху и широкие штаны, перевязанные плетеным поясом. Второй моложе, высокий, в украшенном клепками и ремнями кожаном черном костюме из куртки и брюк. Брюк! Не штанов! Тут портняжное искусство явно классом выше!

– Ух, ты! – расплылся в улыбке низкорослый. – Девка! А ничё так девка!

– Убей ее! – сухо скомандовал «кожаный». – Она увидела мое лицо.

– Как прикажете, – огорчился, но не стал возражать крестьянин, и, шагнув в мою сторону – Йа-а! – поскользнулся на луже закваски, шлепнулся лицом в кислую жижу.

– Тьфу! – сплюнул «кожаный». Потянул кинжал из ножен на поясе. – Тупой недомерок!

Вот что по логике я должна бы сделать? С визгом мчаться куда-нибудь в сторону леса, а потом героически пасть от летящего в спину клинка. Это по логике. А ежели о ней забыть, остается что? Тупо стоять на месте, раскрыв рот в ужасе, и в последнюю секунду рефлекторно выставить перед собой ла-

дони. Защищаясь. Ага! От ножа. Самое то! Одно слово успела подумать, одна мысль махнула хвостиком напоследок – «всё!». Полыхнула белая вспышка, и мир погас...

* * *

Сколько я валялась в отключке, не могу сказать, но, когда разлепила глаза, день клонился к закату. Должно быть, несколько часов. Надеюсь, не суток. Хотя, какая разница? Вокруг тишина, никаких сторонних звуков. Только кузнечики стрекочут в траве. Идиллия! Никто не прибежал из простого любопытства проверить, что тут произошло, не нужна ли помощь, жив ли кто? Кто? Я, например.

А негодяи где? Сочли меня мертвой и ушли? Хорошо бы! Главное – не закопали. Впрочем, разбойники такого типа не озабочиваются сокрытием улик; ноги бы унести скорее. Судя по книжкам и сериалам. А где мне еще опыта набираться? В реальной жизни подобные эксцессы обходили стороной. До сего дня.

Прислушалась к ощущениям. Боли не было, только страшная слабость. Раз хоть что-то чувствую, значит, жива! Слава... кто у них тут глава небесной епархии? Гор? Египетский бог с головой сокола? Ну, так слава Гору, крылья расправляющему, и да не покинет меня его милость.

Попыталась встать. Колени дрожали так, что чуть опять не упала. Оперлась о стену, устояла. Осмотрела себя. Вроде, цела. Похоже, кожаный урод промахнулся и решил не доби-

вать глупую девку, что от страха в обморок грохнулась.

То, что увидела в следующую минуту, когда огляделась, ввело изначально в совершеннейший ступор. Потом холодок страха пополз по спине, добавил в кровь адреналина. Я забыла о слабости в ногах, осторожно подошла ближе глянуть на то, что осталось от убийц.

Осталось немного. Три кучки беловатого пепла. Его хлопья подхватывал ветерок, разбрасывал по двору, кружил в воздухе мелкими завитушками.

Три(?) кучки? А! Третий – это покойный хозяин, судя по положению на местности. Возле застывшей остекленевшей лужи под бабкиным ведерком – низкорослый крестьянин – не сам, конечно, а то, что осталось, чуть подальше... О! А этот не совсем сгорел. Костюмчик сохранился; местами с подпалинами, но вполне целый. Надо же! Хозяин тютю, а одежда выдержала. Выдержала что?!

Я уронила поднятую, было, куртку «кожаного», из которой сыпалась сизоватая труха. Что тут произошло?!

Осторожно обошла дом, заглянула внутрь. Никого! Никого, если не считать пары лошадей, мирно щиплющих травку у плетня чуть поодаль, за углом избы. Может, это их и спасло? То ужасное пламя, спалившее трех человек, не пощадило бы коников, будь те в радиусе поражения. Если оно уничтожает плоть – биологические структуры. Изба не пострадала! Да что там! Ведерко деревянное и то цело! Закваска превратилась в стеклянный блин, а ведерко не сгорело! За-

кваска... Она же некоторым образом живая! Была. Там грибки, дрожжи, бактерии какие-нибудь...

А я? Я почему тогда цела?! Какое избирательное пламя – плохим каюк, хороших не тронь? Ага, конечно! То есть, я хорошая, но... Один вывод напрашивается. Один! Безумный, но кое-что объясняющий. Уцелела, если источником пламени или иной какой высокотемпературной энергии была... я сама.

Вспышка, после которой моё высочество изволило в обмороках валяться, – что ее вызвало? Так. Выставила перед собой ладони; мне было страшно, очень страшно...

Пальцы начали тускло светиться, и я снова ощутила сильную слабость. Опустилась на бревнышко у стены; ноги совсем перестали держать. Похоже, задремала, потому что, когда снова открыла глаза, было темно. И прохладно. Я поёжилась.

Звезды мирно переливались на небе, белесая полоса Млечного пути спускалась за далекий лес. Большая Медведица, Орион, Кассиопея... Привычные созвездия, все на своих местах, не перевернуты, не искажены. Значит, я на Земле. Как минимум. И на привычной широте-долготе. То есть дома. Ну, или с небольшим сдвигом по координатам. Но не в Африке и не на Марсе. Дома... Тогда почему вокруг сельский пейзаж? Древние избушки на курьих ножках? Ни дорог, ни техники, ни намёка на электричество, радио, не говоря уж об Интернете. Станные люди говорят по-русски,

но как-то непривычно. Староверы? Интересная община, поклоняющаяся Гору! Не слыхала о таких.

Странная я... Нет. Я как раз обычная. Помню о себе всё, – почти всё! – выгляжу, как всегда. А кстати! Как я выгляжу? До сего момента не представилось возможности посмотреться в зеркало. Да и расчесаться бы неплохо. Интересно, у хозяина – бывшего! – что-нибудь найдется для элементарных косметических процедур?

Не нашлось. Ни зеркала, ни мыла, ни увлажняющего крема, ни зубной пасты. Ну, да!..

Зажечь бы свечку. Или лучину. Каким источником света тут пользуются?

Лучину я нашла. Почти наощупь. В свете восходящей луны, льющемся в окошко. Просто запомнила, что в небольшой ямке в стене печи лежат наструганные палочки. Чем разжечь? Хм...

Впрочем... Хороший повод проверить, действительно ли обладаю некими пиротехническими способностями? Сосредоточилась. Мысленно направила в руку поток энергии. Палочка вспыхнула, и тут же осыпалась на пол слоем горячей золы. А у меня снова от слабости задрожали колени. Опустилась на лавку у окна. Так. Похоже, непонятная магия во мне наличествует. Непонятно откуда. Оставим сей вопрос в конце очереди более насущных, а пока примем как факт – есть. Магия во мне есть. Ведет себя странно. Но предсказуемо. И, если на чудо, пусть самое маленькое – розжиг лучины – рас-

ходулю внутренние ресурсы, неудивительно, что слабею. Это ж сколько сил ушло, чтобы справиться с убийцами?! Способ оказался действенным, хотя весьма экстравагантным и энергозатратным. Надо ли было так яростно сопротивляться, что сознание потерять в итоге? Все равно, что из базуки пульнуть по комару, – достаточно ведь хлопка!.. Мне простительно; в вопросах магии и собственных возможностей пока еще несведуща. Хотя возможностей, похоже, не столь уж много. Вкупе с ресурсами. Надо быть осторожней. Можно ведь полыхнуть так, что потом и не проснешься!

Но лучинку зажечь как?

Я вдохнула-выдохнула, собираясь с силами, представила на кончике пальца маленький огонек, слабенький, чтобы удержать его без особой траты сил, и достаточный для возгорания палочки.

Получилось! Не ожидаемый язычок пламени, а белый крошечный шарик сорвался с пальца и поджег лучину. Палец при этом ничего не ощутил, даже малейшего тепла. Может, я и в огне не горю? Поднесла руку к пламени... Ай! Очень даже горю! Если пламя обычное. Я не огнеустойчивая супер-героиня, и сей факт следует принять.

Можно было утра дожидаться, но очень уж не терпелось полюбоваться на себя любимую. В свете горящей палочки-лучины вгляделась в отражение в ведре с водой в сенях. Все по-прежнему, лицо мое. Только кожа немного бледнее, глаза темнее, и прядь седых волос вдоль щеки. Не просто се-

дых, белых! Красиво и жутковато одновременно. А вчера не было, – я бы заметила! Это после пережитого? Или... Возможно – скорее всего! – магия вытягивает из меня не только силы, но и часть жизни. Сюрприз. Неприятный. Надо быть вдвойне – втройне! – осторожной. Помнить простое правило – ничего в мире бесплатно не дается, – всё имеет цену; иногда это – сама жизнь...

Ладно. Утро вечера мудренее.

Нашла на полке сухарь, пожевала, запила парой глотков воды. Где, интересно, хозяин молоко брал? Коровы у него нет. Где бы ни брал, но запасов не нашла. Пришлось довольствоваться тем, что есть.

Закрыла дверь изнутри на засов, подперла бочкой с поленьями. На всякий случай.

Забралась на печь, укрылась шкурой с запахом старого козла. Жестко, холодно, неудобно... Заснула за три секунды.

Глава третья

Следующий день провела в хлопотах. Напоила лошадей. Раз хозяев нет, значит, теперь зверюги мои, и надо заботиться. Провела инвентаризацию хозяйства. Небогато жил Кирьян Савич, скромно жил, неприятзательно. В погребе полбочки соленых огурцов и каких-то грибов – не рискнула пробовать, немного вяленого мяса, пара кругов колбасы – а вот это пригодится! Мешок сухарей, – тоже неплохо с учетом

того, что хлеб печь теперь не из чего, даже при наличии рецепта и подробных к нему разъяснений.

Из одежды нашла две рубахи вроде той, что красовалась на мне, пару штанов с грубыми заплатками. Н-да... Во дворе по-прежнему валялся малость поджаренный костюм высокого убийцы. По сравнению с хозяйскими штанами выглядел шедевром от Кардена. Натуральная кожа – это вам не веревка из крапивы!

При других обстоятельствах (и в другое время!) никогда и ни за что не надела бы чужую вещь. Не могу. Вот такой я сноб. С детства. Родители жили небогато и рады были любым обноскам, что отдавали друзья и знакомые, когда их чадушки вырастали из некогда модных одёжек. Одень-ка во всё новое и модное шестерых детей! Так получилось, что шестерых, из которых двое – приёмных. Я – младшая. Из тех самых двоих. И приходилось донашивать, скрепя сердце. За сестрами, за чужими девчонками. Настроение портилось, и никто не мог понять, чем это я недовольна всё время? Хотя никто не смеялся, пальцем не тыкал – мол, «секонд-хенд» ограбила. Хорошо, хоть не смеялись.

Однажды дала себе слово, что, когда вырасту, у меня будет много красивой одежды, новой, модной и только моей. И вот теперь я оттираю пучком травы куртку, снятую с трупа непонятно чью, да еще и мужскую. А что делать? Из деревни придется уйти, это ясно, так не в хламиде же! Куртка оказалась почти впору. Подвернула рукава, затянула пояс потуже.

В брюки влезла без проблем, только длину тоже пришлось подвернуть

Сняла с лошадей тюки проверить содержимое. В одном из них обнаружила сверток. Тяжелый, узкий. Развернула грубую тряпицу. В ножнах, отделанных той же черной кожей с металлическими клепками, покоился меч! Как в кино. Или в музее. Наверное. В реальной жизни таких не видела – настоящих, боевых, изысканно дорогих – видно по гарде из изящных тонких стальных лепестков, покрытых замысловатой вязью. Потянула за рукоять, меч с легким звоном покинул ножны, явив миру (и мне!) сверкающее стальное лезвие с темной надписью из непонятных знаков – рун? – по краю.

Ух, ты! Вот это находка!

Меч оказался тяжеловат. Взяла его обеими руками, представила себя Жанной Д'Арк и гордо воздела к небу. На кончике клинка ослепительно вспыхнула голубая звезда, по краю лезвия потекли пылающие руны. Порыв ветра взметнул мои волосы...

Это было... фантастически красиво! На миг я почувствовала себя богиней, могучей волшебницей из сказки. Да, я романтик. В душе. Да, люблю читать... как их назвала Юнка, бульварные книжонки? Ну, и пусть. Хоть на какое-то время отвлечься от каждодневной офисной рутины, представить себя героиней прекрасной повести о любви, об увлекательных приключениях со счастливым концом, конечно же... Наверное, это комплекс, и любой авторитетный «пси-

хотерапэвт» порекомендовал бы подлечиться от потребности время от времени нырять в мир иллюзий – есть даже термин для обозначения подобной патологии. Не помню, правда, как называется. По счастью нет рядом «психотерапэвта», а я не считаю себя...м-м-м...совсем уж увлеченной фантазиями. Так, чуть-чуть, может. Для расслабления иногда. Разве это плохо? Тем более что никто не знает. Для всех я – суровый и немногословный, не сказать занудный, инженер одного из филиалов КБ «Искра». (Поищите в Яндексе; там все подробно о нашем КБ. Если интересно!)

Некоторое время назад преподавала физику в старших классах школы олимпийского резерва. Двадцать гренадеров двухметрового роста с накачанными мышцами и обратно пропорциональным объемом мозгов – мой класс. Им физика нафиг не нужна. Какие там формулы, какие законы?! Каждый урок они только и делали, что взглядами раздевали меня. Пришла-де какая-то... коза, бормочет что-то невнятное. Убогая!

Видели б сейчас! Небось, спеси поубавилось бы!

– Гор великий! – кто-то негромко охнул за моей спиной. Я резко обернулась, выставив перед собой меч.

Парень. Молодой мужчина примерно моего возраста; ну, может, чуть постарше. Светлые пепельно-русые волосы, курчавая бородка, голубые глаза, – ничего так, вполне себе! Стройный, высокий в ладно сидящем кожаном костюме с ремнями и клепками. Поднял руки примирительно. Потом

опустился на одно колено.

– Госпожа?

Я мысленно приосанилась. Вот так! Стоит взять блестящую железку в руки, и ты уже не чернавка, а госпожа! Ладно, не железку; меч. Хотя сути не меняет.

– Встаньте, молодой человек! Э-э-э... сударь. Как вас там?

– Кайлан Константин Оливер Максвелл. Рыцарь королевского двора. Для друзей просто Кай, – слегка поклонился и улыбнулся. – Опустите меч, госпожа. Я не причиню вам вреда. Могу узнать ваше имя?

– Мар... Моргана, – неожиданно для себя представилась именем колдуньи времен короля Артура. Не знаю, зачем. Как-то само вырвалось. Почему бы и нет?

– Так вы рыцарь? А где же ваша лошадь и... Санчо Панса?

– Панса? – наморщил лоб Кайлан-Константин-И-Как-Его-Там-Дальше. – Это...

– Оруженосец, – хмыкнула я.

– А-а. Я путешествую пешком, налегке, не привлекая внимания своими регалиями, – он снова поклонился. – Совершаю паломничество.

Что-то показалось сомнительным такое объяснение. В моем представлении паломник – воплощение смирения и аскезы в простом плаще, подпоясанный веревкой, и с маленьким узелком, где сухарик и библия. Босиком или в лаптях, а не в броне вроде моей и вооруженный до зубов мечом, луком, кинжалами на поясе, – что там еще успела разглядеть?

Колчан со стрелами... Такой «паломничек» захотел бы меня убить, пикнуть бы не успела! Даже не слышала, как он подкрался, пока любовалась собой великолепной. Впрочем, какой мир, такие и правила. Наверное. То, что я не дома уже сомнений не вызывает. Попаданец тоже мне! Хотела приключений, изволь! И не жалуйся.

– Я не нарушу вашей аскезы, если предложу коня? А взамен вы сопроводите меня до ближайшего города.

– Почту за честь, леди Моргана! Мой меч к вашим услугам.

И я больше не рабыня ценой в два гроша, а леди! Понятно? Поворот судьбы! Вот только что там, за поворотом? Остается гадать и надеяться на благополучный исход.

Собрала в котомку все, что сочла подходящим для предстоящего путешествия – сухари, колбасу, наполнила водой из колодца пару бурдюков. Шкуру козлиную тоже взяла. Пусть она и вонючая, но ночами может быть весьма прохладно. Волшебный меч упаковала в тук, где он и лежал ранее, притороченный к седлу. Воспользоваться я им все равно не смогу, а держать на виду такую дорогую вещь показалось небезопасным. Что делать с мечом, потом решу, а пока пусть поспит. Бабкин подарок – миску-чашку-ложку – тоже упаковала. Пригодится.

Оглядела напоследок избу. Вот и все, Хозяин. Не сложилось у нас с тобой. Если чем обидела, не сердчай! То не со зла, а по неведению. Прощай. Да упокоится с миром дух твой.

Рыцарь наблюдал за моими сборами молча, не помогал, не советовал, лишь в голубых глазах плясали смешинки. И что такого веселого я делаю?!

– Можем отправляться.

– Не хотите прочесть молитву для успешного пути, леди?

– Гору?

Рыцарь пожал плечами.

– Ну, или в кого вы верите.

– Нет.

Подвела одну из лошадей, что показалась поспокойней, к крыльцу, забралась в седло. (Некоторое время назад проводила отпуск на Алтае в конном походе, так что обращаться с лошадьми умею худо-бедно. Правда, наездница я не крутая, и взлетать в седло с каскадерской лихостью не умею. Проще – с какой-нибудь приступочки; крыльца, например). Рыцарь, глядя на мои старания постарался скрыть улыбку – скажите, пожалуйста! Он надо мной еще и хихикать будет!

Прежде, чем мы отправились в путь, рыцарь Кай снова опустился на одно колено, пробормотал что-то, приложил ладони ко лбу, вверх и лишь потом взметнулся на коня – как раз-таки как каскадер; словно родился в седле. Еще бы! Небось полжизни за компьютером не просидел, раз в неделю выбираясь в фитнес-клуб. Турниры, походы, тренировки... И все же сильные мышцы ног еще не показатель крутизны; я с подобным уже сталкивалась в школе.

Глава четвертая

За полдня путешествие на упрямой зверюге под названием «лошадь» утомило сильнее двенадцатичасовой смены на одном из электросетевых предприятий во время учебной практики. Там нас воспринимали не как студентов, а как полноправных работников; гоняли в хвост и гриву, при этом, практически не оплачивая каторжный труд под предлогом «вы-ж-учитесь-ишшо». Так вот зверюга измотала меня сильнее начальника цеха, относящегося к подопечным как к рабам; неважно студент то был или слесарь пятого разряда. Эта коняшка оказалась совсем не из той породы спокойных и покладистых, что предоставили нам на турбазе. Она шла, куда хотела, останавливалась, когда хотела и где хотела. Если ей спичило пожевать травки, то моё понукание вкупе с некоторыми образцами ненормативной лексики игнорировалось полностью. Зверюга принималась жевать, наклоня голову так низко, что я боялась соскользнуть и кувыркнуться через нее. Обычно не выражаюсь нецензурно, считая это ниже своего достоинства, но тварь совершенно вывела меня из себя.

Первые несколько миль удалось проехать за два или три часа. Таким темпом мы доберемся до ближайшего поселения, когда успеем состариться, если здесь действительно такие расстояния, о которых упоминал почивший хозяин. Спутник мой сначала поглядывал сочувствующе, потом на-

чал ухмыляться и под конец чуть ли не в голос ржал над моими усилиями укротить конягу. Наконец ему надоело ждать, пока моё высочество изволит сонной трусцой преодолеть очередную сотню метров. Он подъехал почти вплотную, выдернул из моих рук повод, намотал на свою ладонь. И мы сразу прибавили скорость. Лошадка своенравная дернула, было, головой, но рыцарь рывкнул на нее, и она успокоилась.

– В общении с лошастью нужно показать, что вы сильнее её, миледи, что вы – главная! Тогда она станет слушаться.

Я угрюмо молчала. Поучать он меня будет! Может, конечно, и веду себя, аки последняя заносчивая идиотка, но не надо посмеиваться и говорить со мной, словно я... идиотка. О! А давно ли в лаптях бежала со снопом конопли по поручению Хозяина?! Леди!

Общение... Я не собираюсь общаться со зверюгой. Доехать бы и сбегать ее первому, кто позарится.

Вобщем, когда мы решили, наконец, устроить привал – «мы» решили! Рыцарь просто сжалился, ибо вид «леди» имела весьма жалкий и утомленный! – солнце еще просвечивало сквозь листву закатным золотом, но над землей уже потянуло ночной влагой и холодком. Я сползла с седла с твердым намерением больше никогда в него не садиться. Лучше пойду пешком, бегом, ползком, – все целее останусь.

Рыцарь расседлал коней, насухо вытер им спины. Затем занялся костром, а я поплелась к ручью за водой. Наполнила котелок, умылась, напилась. Почувствовала себя значитель-

но лучше и бодрее. Ничего, глядишь, и ноги станут разгибаться постепенно, и осанка примет гордый вид. Настроение слегка улучшилось. Может, все и не так плохо, если вспомнить, что у меня в спутниках опытный представитель местного социума, на чью помощь могу рассчитывать, и который вполне себе красавчик. Приятный такой бонус к приключениям.

Со стороны поляны, где мы остановились, слышались какие-то голоса. Я метнулась – громко сказано, конечно; точнее будет «проковыляла» – за дерево и осторожно выглянула из-за толстого ствола. Двое звероватого вида мужиков орудовали на нашей стоянке. Один связывал за спиной руки рыцаря, второй держал у его горла нож, вцепившись пятернёй в волосы и запрокинув назад его голову.

– Сказывай живо, где золотишко?! – прорычал первый.

– Я бедный паломник, – прошипел сэр Кайлан Константин. – У меня нет золота. Даже меди нет.

Разбойники захохотали, словно услышали свежий анекдот про Чапаева. Тот, что с ножом, надавил на лезвие, из-под него потекла струйка крови.

– Врешь ведь! А коли нет, так и зачем ты нужен? Стражу наведешь ишшо.

– Прирежь его, Силантий.

Первый закончил запутывать веревку и стоял теперь спиной ко мне, уперев руки в боки.

Я лихорадочно соображала, что делать? И что могла пред-

принять, если из оружия у меня только котелок с водой! Подкрасться поближе и ка-а-ак..! Котелком.

Пальцы начали светиться. Я и забыла, что сама себе оружие с некоторых пор! Вот только не задеть бы в гневе рыцаря. Силушка немеряная, и пока не научилась ею управлять.

Осторожно, чтоб не хрустнула веточка, и не получилось, как в прошлый раз, поставила котелок на землю, представила, что держу в руках огненный шар, покатила его. Сгусток плазмы размером с апельсин тускло засветился меж ладоней. Кино, да и только!

От моего сердца к шару потянулась тонкая светящаяся веревочка, и «апельсин» стал наливаясь белым светом, потрескивать. Хватит, пожалуй. Седина мне не к лицу.

Отвела руку назад, прицелилась, и метнула шар в наглуую широкую спину бандита.

Бах! Разбойник разлетелся фонтаном ошмётков и брызг, а я охнула и ухватилась за ветку, чтобы не свалиться от накотившей слабости. Перевела дух. Если бы второй бандюкан бросился на меня в этот момент, приключения бы закончились, толком не начавшись, потому как сил снова использовать магию или просто сопротивляться не осталось вообще. Вообще от слова совсем. И к чему такие способности, если ими нельзя пользоваться без риска для жизни?!

Со стороны поляны донесся шум, потом короткий сдавленный крик, и сквозь кусты ко мне вломился рыцарь.

– Леди, вы целы?!

– Наполовину, – просипела я. Опершись на его руку, поползла к костру, стараясь не глядеть на кучку мокрого тряпья и тихо свернувшегося рядом клубочком второго разбойника. Без признаков жизни. Рыцарь вытер об него окровавленный кинжал, убрал в сапог.

Потом я сидела, прислонившись к шершавому колючему стволу, не чувствуя ничего, кроме оглушающей усталости. Костер жадно лизал полешки, рыцарь помешивал в котелке, подвешенном на рогульках, пахучее варево. Красота, покой и сплошная лирика, если забыть про нападение.

Останки разбойников мы завалили ветками, главным образом, чтобы жуткое зрелище не мозолило глаза, а не чтобы почтить их память, конечно.

Я протянула руки к огню и почувствовала, как с теплом в них вливается живительная энергия – та самая, которая извергается из меня в момент волшбы. Здорово! Это значит, могу так восполнять ее запасы и пользоваться без вреда для здоровья. До определенного момента, конечно, пока уровень не снизится до моих собственных ресурсов.

– Нам надо поговорить, леди.

Рыцарь попробовал варево, осторожно дую на ложку.

– Вы спасли мне жизнь. Теперь мы связаны обязательствами, и я считаю, что имею право на некоторую откровенность с вашей стороны.

– Вы ничем мне не обязаны.

– В иных устах такое пренебрежение моей жизнью про-

звучало бы оскорблением...

Он что, дурак?

– Я пренебрегаю не ценностью вашей жизни, а значимостью своих действий. Сложись обстоятельства чуть иначе, и моих скромных возможностей оказалось бы недостаточно. Так что благодарите не меня, а случай. Или Гора, в чью помощь вы истово верите.

Он усмехнулся в усы.

– А вы не верите в божественное участие?

– Не сказать, что совсем не верю, но Гор – это как-то ново для меня. Вот вы, например, знаете об Иисусе?

– Это... – рыцарь наморщил лоб. – Я не силен в теологии, но, вроде, среди восьми главных последователей учения Гора был один и с таким именем. Прошу прощения, но, когда мои сверстники изучали святое писание, я предпочитал упражняться с мечом и луком на тренировочной арене.

Налил густой суп, скорее даже кашу, в мою миску, протянул.

– Прошу.

– Благодарю.

Пахло вкусно. Уж не знаю, только ли на ристалище тренировался рыцарь, а не, например, на матушкиной кухне, но готовил он отменно, если учесть наш весьма скудный запас ингредиентов. Я думала, станем экономить, питаться кусочком мяса и сухариком в день, а тут такой изыск! А может, аппетит разыгрался из-за свежего воздуха, легкой конной про-

гулки... Бр-р-р!

Как бы то ни было, расправилась с ужином я довольно быстро. Рыцарь делал вид, что не смотрит, но улыбался в усы. Опять!

– Я не считаю себя вправе, леди Моргана, осуждать или обсуждать ваши религиозные чувства, пусть даже вы вообще ни в кого не верите. Это не моё дело. Но вам всё же следует учесть, что слишком откровенное пренебрежение местными обычаями может привлечь внимание. Вряд ли вы этого добиваетесь. Со своей стороны, я, конечно, сделаю всё возможное, чтобы это предотвратить, но вам придется внять некоторым советам!

Я округлила глаза.

– Пренебрежение обычаями? Я ложку не той рукой держу? Или не той стороной?

– Я понял, что вы издалека, миледи, очень издалека. Должно быть, ваша миссия весьма важна, если, несмотря на угрозу разоблачения и наказания, вы все же здесь. Не смею проявлять любопытство, но хотелось бы кое-что прояснить. Буду раз услышать все, что сочтете нужным рассказать. И ответить на некоторые вопросы.

– Похоже, вы считаете меня шпионкой на задании! Я, разумеется, приму вашу помощь и благодарна за участие, но настолько ли всё серьезно?

– Серьезнее, чем может показаться, – кивнул он.

– А про какое наказание вы упоминали? Я успела что-то

нарушить?

Вот так, исподволь, успела кое-что о себе выдать первому встречному, а ведь о нем ничего не знаю! Разомлела от видимого добродушия и голубоглазого личика.

– Не так чтоб явно.

Он выскреб остатки суповой гущи из котелка, поделил поровну себе и мне.

– Ешьте. Возможно, не скоро вновь придется подкрепить-ся.

– Благодарю.

– В нашем государстве, миледи, благословение Гора и обращение к нему – основной момент любого начинания и жизни в целом. Ваше явное пренебрежение к божественному участию может вызвать неприязнь населения. Можете не верить, но хотя бы сделайте вид.

Вспомнила строгую бабку из деревни Хозяина...

– Я больше доверяю не божественному промыслу, а логике, разуму и собственным силам!

– Похвально! – кивнул он. – Это достойно уважения. На поле боя, в ратном подвиге. Или на эшафоте. Геройствовать допустимо только в подобных случаях. И суровым мужам, а не хрупким леди.

Положил под голову свою седельную сумку, улегся у костра. Глянул на меня сквозь пламя.

– Ваш дар, леди Моргана, поражает и восхищает. Я бы дорого заплатил за возможность покорять огонь! Только поль-

зоваться им крайне опасно. Лучше никому не знать, что вы – маг. Поверьте! Не демонстрируйте своё умение без крайней на то нужды. А лучше совсем.

– Хорошо, – кивнула покладисто. – В следующий раз, когда потребуется моя помощь, может, даже и вам, воспользуюсь чем-нибудь более традиционным. Например, кину в бандита щепкой.

Рыцарь усмехнулся, но ничего не ответил. Закрыв глаза. Спать собрался?

– Сударь Кайлан...

– Прошу вас, просто Кай.

– Угу. Кай. А разве нам не положено установить дежурство на предмет нападения, например, дружков бандитов, что покоятся вон там, под ветками? Или по умолчанию и традициям я должна караулить первой?

– Не бойтесь, леди, – сонно вздохнул рыцарь. – Никто не явится. Кроме того, у нас уже есть двое гораздо более чутких стражей.

Он ткнул пальцем в сторону лошадей.

– Я успею отреагировать на вторжение. Спите спокойно.

Угу. «Спи спокойно, дорогой товарищ». А еще, хочешь не выделяться, периодически приседай и говори «ку!». Информация к размышлению.

Ну, и чего в позу вставать – я-де в египетских богов не верю, сама себе крутая, и вообще у меня меч блестящий?! Со своим уставом, как известно, в чужой улей не лезут. При-

дется, слушаться рыцаря. Пока он настроен благосклонно. Дальше видно будет. Я, конечно, дамочка самоуверенная и властная по натуре, но иногда гордыню надо усмирить. И поменьше болтать

Кстати, о мече.

Я вытянула знакомый сверток из кучи вещей у нашего бивуака, немного развернула тряпицу, взялась за рукоять, и чуть-чуть вытянула меч из ножен. По сияющему лезвию потекли вспыхнувшие руны. Меч излучал такое тепло, уверенность, ощущение силы и защиты, что не хотелось выпускать его из рук. А ведь он – орудие убийства! А я пацифист. Пыталась убедить себя, что не обязательно использовать клинок по прямому назначению; есть ведь и ритуальное оружие, чисто символическое, наградное или как часть униформы.

Ты сама-то себя слышишь, Марианна Вестфаль?! Символом чего может служить оружие?! Пусть даже небесной красоты, но оружие! Меч! Уж не эмблемой мира точно. Представляю – белый голубь Пикассо, но не с веточкой, а руническим клинком в клювике!..

Я вздохнула, завернула свою находку опять в лохматый лоскут, но положила не в кучу, а рядом с собой, под руку. Как ребёнку с любимой игрушкой не хотелось расставаться с артефактом даже во сне. Не с холодной сталью, а с другом и защитником. Меч словно беззвучно говорил со мной; я его чувствовала на ментальном уровне, на уровне ощущений и эмоций...

Эмоций! Железку для убийства! Ты в своём уме, леди Моргана?

Я хмыкнула и покачала головой от осознания нелепости ситуации. Но, как бы то ни было! Что-то во мне изменилось. В хорошую сторону или... не очень, но я теперь другая. А значит, и оценивать себя следует иначе. И, наверное, пора-таки поспать немного. Лошадки мирно жуют траву, не обозначая ничьего враждебного присутствия и присутствия вообще, рыцарь вон спокойно похрапывает, хотя я не сомневаюсь, – в случае чего, мгновенно окажется на ногах и с кинжалами в каждой руке.

То, что сцена с нападением разбойников была инсценирована, я поняла давно. Точнее, нападение настоящее, а вот бедный несчастный рыцарь с кинжалом у горла, – этому он сам позволил случиться. На самом деле ничто ему не угрожало; просто хотел, чтобы я поверила, раскрылась. Прониклась.

Получилось. Я прониклась в первую секунду, размякла от ощущения собственной значимости и героизма. И женственности, когда перевязывала его рану, несмотря на протест, слабый, впрочем. Спасла жизнь красавцу-рыцарю, ай, да я! Потом, правда, скептицизм возобладал. Как он с завязанными руками и ножом, впившимся в горло, сумел освободиться в полсекунды, пока я, держась за дерево, преодолевала приступ дурноты?! И у костра так удачно мышшь пробежала, что я очень естественно пискнула от страха и неожиданно-

сти. А рыцарь, метнув нож, пригвоздил несчастную зверушку к пеньку в паре сантиметров от моей руки. Вот так! Бедный несчастный рыцарь был застигнут врасплох парой крестьян-увальней. Ничего ему не сказала, конечно, и не собираюсь. Какой у меня к нему может быть интерес? Просто надо больше наблюдать, а не говорить и, тем более, не открывничать. Особенно с рыцарем. Кто знает, какие у него на самом деле мотивы? «Спасла жизнь», «Я вам обязан». А потом будет «вы избранная»... Угу. В моём мире сии эпитеты именуются лапшой, что удачно виснет на ушах наивных девиц.

Проводит до города – и спасибо. Там уж сама стану решать, что делать, и как домой вернуться, если это возможно. А невозможно, придумаю что-нибудь. Потом. Сейчас решительно ничего не хочется планировать.

Глава пятая

Не скажу, что следующие шесть дней путешествия оказались легкой прогулкой. Мы ехали то по главной дороге, то срезали путь напрямик через лес. Рыцарь охотился на всякую мелочь, приносил добычу по минимуму – то утку, то кролика с тем, чтобы не бросать и не тащить с собой излишки мяса, как было бы с крупной дичью. Я порывалась помогать хотя бы в готовке еды, чтобы не чувствовать себя обузой – такой кисейной барышней, которую надо опекать, холить,

лелеять. Однако, после первого же приготовленного мной жаркого на вертеле, рыцарь мягко, но решительно отстранил от кулинарного действия, ограничив мои обязанности мытьем посуды, сбором трав, корешков, веток для костра. Что сложного – зажарить тушку в собственном соку над костром? Вот только у рыцаря она получалась нежной, с хрустящей корочкой, лоснящейся, с умопомрачительным ароматом, а не напоминающая старую сухую подошву цветом, плотностью и вкусом, как у меня – лишнее доказательство враждебности и неприятия чужим миром.

Миром, который наделил странным даром.

С некоторых пор появилось убеждение, что дар сей, учитывая последствия его применения, не для восхищения и защиты, а как раз наоборот – для скорейшего изъятия меня из царствия живых. Почему так изощренно – дар какой-то вместо... ну, не знаю... голодного медведя, например? Но почему бы и нет? У вселенной свои мотивы, свои игры, чаще нам непонятные и непостижимые.

Разговор у костра, особенно вечером, на островке теплого света, располагает к откровенности, духовно сближает. Словно мы не на пути в неизвестность в чаще настороженного темного леса, а в туристическом походе выходного дня любимемся красотами заповедных мест.

Рыцарь рассказывал, что он из обедневшего, но благородного и старинного рода. Как полагается, у него есть замок,

правда, требующий ремонта и заботливых женских рук для наведения уюта, и наполнения комнат теплом и любовью. На этих словах он выразительно посмотрел на меня.

Еще сказал, что по праву дворянина собирается представить меня к королевскому двору – ритуал необходимый для дальнейшей карьеры и обретения прав полноценной гражданки. Мне будет выделена субсидия для приобретения жилища, начала бизнеса, ну, и так далее. Правда, для аудиенции надо привести себя в надлежащий вид – придется, причесться, намарафетиться...

– Нам придется продать лошадей, возможно, кое-что из вещей...

– Что? Кастрюльку? Или козью шкуру? Больше у нас ничего нет.

– Шкуру, кстати, да. Она неплохо выделана, и десяток монет можно за нее выручить. По тридцать монет за коней и сбрую. Останется раздобыть еще сто тридцать, чтобы нормально вас одеть.

– Раздобыть... И все ради того, чтобы усладить взор вашего царя?

– Короля, – поправил он. – Да, для этого.

– А чем плох мой костюм?! – я начала понемногу закипать. Кончики пальцев засветились. Рыцарь с опаской глянул на них.

– Прошу, леди, сохраняйте спокойствие.

– Я спокойна, – процедила сквозь зубы и спрятала руки

под мышки.

– Костюм ваш замечательный, удобный для путешествия и прекрасно сидит на вас...

(Льстец!)

– ...но он все-таки дорожный, и для леди, согласно этикету, появляться при дворе лучше в традиционном женском наряде.

– Это вы так витиевато обозначили платье?

Вместо ответа он лишь слегка улыбнулся. Вот достали меня такие улыбочки! Обращается со мной, как с дитем неразумным, но великовозрастным. Что до платьев, то я их не люблю. Тип моей фигуры предполагает визуальное вытягивание силуэта, что возможно только с брюками. Я не толстая, но в платье превращаюсь в этакую кустодиевскую барыню для чайника. Так что, да здравствует спортивный стиль – джинсы, леггинсы и иже с ними. И черный цвет.

Но этикет, Сет его побери...! Нерадостно пока что идет гармонизация с местным социумом.

* * *

Со временем я все лучше осваивалась с лошадью, и уже не шипела (почти) от боли в пятой точке, забираясь в седло.

Рыцарь учил меня управляться с луком. Было весело – а что, плакать что ли?! – когда, целясь в мишень на дереве, я не попадала в само дерево, в то время как рыцарь стрелял аки Робин Гуд, сбивая повторным залпом стрелы, еще нахо-

дящиеся в воздухе после первого выстрела.

Совсем другая история получилась с мечом. Сэр Кайлан захотел было взглянуть поближе на шедевр мастеров-волшебников, но, едва взявшись за рукоять, с воплем отдернул задымившуюся ладонь. Мерзко запахло горелым мясом (прямо как кролик моего приготовления!). Рыцарь тряс ладонью, прятал её под мышку, шипел от боли, ходил по поляне, стараясь успокоиться. Потом, наконец, позволил мне взглянуть. Гор великий! Ожог третьей степени. Как-то быстро случился – почти за мгновение; колдовство, да и только!

Пришлось приложить подорожник за неимением более действенных средств лечения и забинтовать обширную рану. Рыцарь был очень недоволен, и выдавал сквозь зубы короткие ругательства на непонятном языке. Язык я не опознала, но что ругательства – поняла и без последовавших извинений.

На меня клинок обжигает не реагировал, но стоило ему покинуть ножны, как по всей длине загорались руны, а на кончике острия вспыхивала синяя звезда. Интересный эффект, и необъяснимый. Проявляющийся только, когда я(!) держу меч. Чем руки рыцаря отличаются от моих? Смотрела украдкой на его пальцы – длинные, сильные, подвижные. Пальцы лучника. И метателя кинжалов. Они, правда, не сотворяют файерболы... Или дело все-таки в файерболах? В огне, источаемом моими до недавнего времени обычными ладошками.

Меч я больше не упаковывала в седельные сумки, а носила за спиной на ременной перевязи – и ходьбе-езде не мешает, и достать можно в любой момент. И меньше шансов его лишиться, ибо любителей поживиться чужим добром, как выяснилось, здесь предостаточно. Воспользоваться мечом оказалось, что нельзя – не каждому! – а вот стянуть – запросто. Пока он в ножнах, да еще в тряпочку завернутый.

Пару раз на нас нападали разбойники. Вернее, пытались. Несколько рыцарь слегка поранил, обратив в бегство, а еще двое, неожиданно преградивших путь при моём посещении кустиков, ломанулись сквозь чащу без оглядки, с воплями «а-а-а, ведьма!» стоило мне лишь зажечь – только зажечь, клянусь; никого убивать не собиралась! – факелы на ладонях.

После памятного инцидента с мечом сэра Кайлан на неопределенное время выпал из роли моего защитника и покровителя. Стрелять из лука не мог по причине глубокого ожога, а его собственный меч, короткий и широкий, предназначался лишь для ближнего боя, хотя управляться с ним левой рукой рыцарь вполне умел. Но вот охотиться оказалось проблематичным.

Я вообще-то противник насилия и лишения жизни. Вроде, упоминала... (Разбойники, от которых оставила пару кучек пепла не в счет, – они первые напали; я защищалась!) И всегда любила зверушек. Сосиски, правда, тоже. И пельме-

ни. И жаркое. И курочку-гриль...

До сего дня мясо было абстрактным. Ради него не надо, выслеживать ничего не подозревающего зверька, у которого, наверняка, есть норка и детёныши, не надо убивать. Но голодный желудок периодически требовал чего-нибудь существеннее одуванчиков и стеблей черемши. Да и раненого мужчину надо кормить.

И я отправилась на охоту.

Уроки мастера-зверобоя не прошли даром. Довольно быстро удалось выследить куропатку, но, когда я выпустила в нее шаровую молнию, раздался сильный хлопок, и пышный яркий фейерверк завершился опаданием облака сгоревших перьев и горстки углей – всего, что осталось от бедной птицы. Чёрт! Я опять недооценила свои силы.

Из чащи выметнулся обезумевший кабан, видимо, испуганный взрывом. Он несся прямо на меня, выставив клыки, хрипел и взревывал! Я думала, свиньи хрюкают! Вероятно, то был неправильный свин, потому что издаваемые им звуки на хрюканье не походили. А вот на медвежий рык – да.

Я сделала шаг назад, выставила вперед ладони. Сколько энергии надо, чтобы не устроить лесной пожар, но при этом отразить нападение?.. Бах!!..

Зверь отлетел в сторону, стукнулся о сосну, упал и затих.

Осторожно подошла. Потыкала в кабана палкой с безопасного расстояния, готовая в любой миг выпустить из сво-

бодной ладони маленькую ядерную бомбу. Свин не шевелился. И вообще оказался не таким уж огромным и клыкастым, как показалось вначале. Скорее, наоборот – то был подрощенный поросенок, правда, килограмм так на пятнадцать-двадцать. Я взяла его за заднюю ногу и волоком потащила к костру, одновременно моля Гора, чтобы кабанчик неожиданно не очнулся, и прося у зверушкиной души прощения за убийство.

Рыцарь удивленно вскинул брови, увидев добычу, но потом-таки съязвил:

– Вас, леди, слышала половина леса, не меньше. Если целью было сообщить разбойникам округи, что мы здесь, то вы преуспели. Смело можем ждать гостей.

У меня не осталось сил даже слегка огрызнуться в ответ. Это ему легко – пульнул из лука и нанизал в итоге на стрелу трех-четырёх уток. А ты попробуй с кабаном справиться голыми руками!.. Не совсем голыми, конечно, но это не считается.

Пока сэр Кай разделявал тушу, я лежала у костра и тупо смотрела в огонь. Разбойники? Ну, и пусть. Мне все равно. Сил не осталось вообще. Даже на страх. Даже на мысли.

Мяса оказалось много. Мы поужинали, а остатки рыцарь принялся заготавливать впрок – солил, коптил, обжаривал, снова солил, – я не вникала в тонкости рецепта. Не дано, значит, не дано. Посмотрела бы, как сэр Кай сможет накатить новейшую ОС на средненькое «железо», да так, чтобы рабо-

тало и не тормозило!.. Каждому – своё!

Вопреки грозному предупреждению никто нас не посетил ни в эту ночь, ни в последующие пару дней.

Зато потом...!

– Полсотни миль, и мы на месте... Что это там? – Сэр Кайлан, пригнувшись, из-за кустов взгляделся в движущиеся тени меж деревьями. Я пристроилась рядом.

– Тише, леди, не шевелитесь.

Группа всадников – шесть человек; двое спереди, двое по бокам и двое в конце колонны. Колонны из связанных цепочкой людей, бредущих медленно, с опущенными головами, босых и в рубищах. Пленники, осужденные?

Не шесть охранников. Семь! Седьмой всадник крутился, то выезжая вперед, то отставая от остальных.

– Чего ему нейдется? – прошептала я. – Самый шустрый?

– Проверяет, – так же тихо ответил рыцарь. – Засаду и погоню. Чтоб врасплох не застали.

– А люди? Кто это, как вы думаете?

– Думаю, рабы. На продажу.

– Как рабы?! – ужаснулась я.

– Вот так, леди Моргана, – он усмехнулся. – Такова жизнь. Похоже, вы удивлены. Не знаю, как в вашей стране, а у нас это обычное дело.

– Но там женщины и дети! Всмотритесь!

– Я вижу.

– Надо им помочь! Надо их освободить! Это же ужасно!

– Что ужасно? Скорее всего, их помещик их же и продал для уплаты каких-нибудь долгов. Нам лучше не вмешиваться.

– Вы правы, в моей стране рабство вне закона, потому что все люди свободны по рождению! И равны!

– Ага! – кивнул он. – Равны! То-то я к вашему клинку даже прикоснуться не могу!

– Это другое! Не знаю, почему так, но ваших прав сей факт не умаляет.

– Тише, леди! Нас слышат.

– Пусть слышат. Надо помочь несчастным.

– И нарушить закон?

Я рассвирепела.

– К дьяволу закон, позволяющий торговать людьми, как скотом! К черту или... кто у вас там за главного мерзавца? Сет? Короче, в жопу!

– О! – вскинул брови сэр. – И что вы предлагаете? Выскочим на дорогу, раскинем руки и рывкнем, а вот и мы, разбегайся, пока целы?!

Я сердито замолчала. Он прав, к сожалению. Мы вдвоем с парнем, который еще толком не выздоровел, против шести вооруженных всадников?

Один мальчик, чумазый, но при этом очень красивый, белокожий, худенький, похожий на златовласого ангела, встретился со мной взглядом огромных синих глаз. Столько мол-

чаливой боли было в этих глазах, надежды и обреченности одновременно, что у меня сжалось сердце. Нет! Я так не могу! Я должна хотя бы попытаться что-то сделать! Поймают, убьют? А зачем жить в мире, где процветает рабство, и, где вот такой взгляд, глубокий и синий, будет упрекать и преследовать всю оставшуюся жизнь, если просто пройти мимо чужой беды?

– Бегите, рыцарь! – прошипела.

Встала во весь рост и, не таясь, направилась к колонне, сосредотачивая в руках волшебную силу. Как бы постараться не задеть кого-то невинного!..

– Стойте, леди! – рыцарь попытался схватить меня за ногу, но я увернулась. – Вы с ума сошли!

Вышла на дорогу.

– Эй, работорговцы!

Седьмой всадник оглянулся, развернул коня, пустил в мою сторону. Я вскинула руки. Несколько шаровых молний сорвались с ладоней, пролетели над головами людей, и оглушительно взорвались. Заржали кони, вздыбились, сбрасывая седоков, заметались. Кто-то закричал.

Я нырнула в чашу, помчалась подальше от дорожной суеты. Споткнулась о корень, растянулась бы, если б сэр рыцарь не подхватил под локоть.

– Что вы наделали?! Зачем?!

– Паника! – переводя дыхание, просипела я. – Я хотела поднять панику, чтобы пленники могли сбежать.

– Глупый план! – прорычал рыцарь. – Никуда они не побегут. Зато теперь к пленникам присоединимся и мы! И знаете, я подумываю, может, есть смысл продать в рабство вас?

– По... про...буйте, – я тащила за ним из последних сил. – Я... вас... потом найду! И вы... очень... пожалеете.

Мы вылетели на поляну и... замерли. Четверо охранников, выставив мечи, наступали со всех сторон, двое всадников кружили за ними на своих рысаках, бьющих копытами и грозно ржущих.

– Спиной к спине, леди! Если не желаете сдаться! – Рыцарь вытащил меч.

– Не желаю.

Сил у меня не осталось, метать огненные шары оказалось нечем. Я потянула из ножен волшебный клинок. Как бы то ни было, если сей день последний в этом негостеприимном мире, пусть хотя бы запомнит, что я тут... мимо проходила.

Фехтовать не умею, но... мож хоть пораню кого напоследок!

– Прощайте, леди Моргана! Я разочарован, что встретил вас.

– Взаимно! – процедила сквозь зубы. Злость начала закипать... Интересно, у кого как происходит подобный процесс? Озлобления. Я сначала ощутила его в области желудка. Потом огонь потек по рукам, отдался жаром в груди, в голове. Слова рыцаря очень хорошо подстегнули решимость. И ярость.

Страх не было. В глубине сознания я понимала, что не выдержу и пары минут боя с профессионалами, но отступить?! Тем более что по искажившимся ромам воителей ясно, что шансов остаться живой, пусть и в плену, никаких.

Клинок зловеще завизжал, покидая ножны. По лезвию потек огонь, на острие вспыхнула синяя звезда. Идущий на меня мечник в ошеломлении разинул рот и застыл на секунду. А я ринулась в атаку.

Побоище вышло то ещё! Вращала мечом, куда ни попадя, да с силой, которой от себя не ожидала вообще и никогда! Клинок полыхал, со звоном отбивал слабые атаки, рубил и вонзался в чью-то плоть. Вокруг меня сиял стальной диск – так казалось от быстроты движения.

Вскрикивали враги, ржали лошади, и кто-то непрерывно вопил дурным голосом! Не сразу осознала, что это я...

Сколько времени прошло? Сутки? Двое? Или десяток минут? Ощущение времени исчезло, исчезла ставшая привычной слабость после применения магии. Осталась ярость и убеждение, что просто так не дамся!

– Леди! Леди остановитесь!

Повернулась, в бешенстве занеся меч над головой рыцаря. Он перехватил мою руку.

– Все, леди, успокойтесь! Всё кончено!

Что?! Я опустила руки, огляделась. Выронила меч.

Поляна являла собой жуткое зрелище. Кровавое месиво

из останков некогда здоровых, молодых, вооруженных мужей. Хотя, о боевых навыках охранников судить трудно, если даже я(!) за несколько минут превратила их в капусту. Не, конечно, не стоит все заслуги приписывать себе любимой. Рыцарь тоже кого-то завалил. Наверное. Но всё равно, это же немыслимо! Нереально! Или дело в волшебном мече?

Глянула на себя, покрытую известной красной субстанцией, на рыцаря в костюме того же дизайнера и... мир качнулся и исчез.

Глава шестая

Когда я открыла глаза, вокруг царилась ночь. Мирная, тихая, слегка разбавленная светом костра. Рыцарь сидел рядом, по-турецки сложив ноги, точил меч, проводя по взвизгивающему – мерзкий звук, аж мураши по коже! – лезвию серым камнем. Свой меч точил, не мой. А где мой?!.. Вот он, рядом, тряпочкой укрытый.

Рыцарь перехватил мой взгляд.

– Я не рискнул прикасаться к вашему оружию. Горький опыт, знаете ли.

Я села подтянула волшебный клинок, убрала его в ножны.

– Есть будете, леди? Оставил вам немного мяса. Сам поел, а вас решил не будить пока. Надеюсь, вы отдохнули. Если хотите умыться...

О чем это он? Непонимающе смотрела на рыцаря, потом

глянула на себя, на руки, перепачканные засохшей кровью...

И тут накатило! Вспомнила бой, свою ярость вспомнила, как размахивала мечом, кромсая, отсекая... Убивая... Хлынули слезы. Меня затрясло. От запоздалого страха – ужаса! – от осознания случившегося. Всхлипывала и всхлипывала, не в состоянии успокоиться.

– Ну, что ты! – рыцарь сел рядом, обнял меня. – Всё хорошо, все закончилось!

Вытирал слезы со щек, целовал. Его волосы щекотали моё лицо, голубые глаза заслонили мир.

– Ты... ты... – я старалась справиться с рыданиями, всматривалась сквозь бесконечные соленые струи в лицо Кая. – Ты не пострадал?.. Я... тебя не ранила?! Я не прощу себя, если...

– Нет, – шептал он. – Со мной всё в порядке. Ты спасла нас обоих. Была, как богиня – безумно прекрасная и столь же опасная!..

Его объятия становились всё крепче, поцелуи жарче, шепот бессвязнее. Пальцы принялись распутывать шнуровку на моей куртке...

* * *

Утро выдалось на удивление хмурым и сырым. Незаметная осень вступала в свои права. Небо затянуло тучами, и вскоре заморосил дождь, мелкий, но из той категории до-

ждей, что, начавшись, сыплют и сыплют с небольшими паузами, превращая сухую, звенящую землю в месиво и унося с собой последние остатки летнего тепла.

Я проснулась оттого, что замерзла. Села, завернувшись в козлиную шкуру. Коротковата, поддувает под неё. Где ты, постелька моя мягкая и одеялко пуховое? Эх!..

В костре тлели слабые угольки, вспыхивая на миг и переливаясь огоньками под порывами ветра.

– Выпейте чаю, леди. Согреетесь! – рыцарь упаковывал вещи, седлал коней, пристраивал тюки на еще двух помимо наших.

– Что... что вы делаете?

– Если нам повезет, – рыцарь подтянул подпругу у гнедого жеребца, – сможем продать добычу.

– Какую добычу? Вы... покойников обыскиваете? Это же мародерство!

– Это трофеи, леди, – он скептически поджал губы в ответ на мою бестолковость и бесхозяйственность. – Боевые трофеи. Зачем добру пропадать? Железо либо сгниет, либо его кто-нибудь все равно утащит. А нам нужны деньги. Кузнец переплавит, наделает полезных вещей – утвари кухонной, подков, гвоздей... Это ли не добро?

– Господи, – прошептала я. Запоздало начало доходить кое-что. – Господи, что же я наделала? Ведь, наверное, у них семьи были? Жены, дети...

– Раньше надо было думать, – Рыцарь сам налил мне чаю

из котелка, протянул кружку, – а не начинать сразу мечом размахивать. Берите чай, пейте. Нам еще ехать и ехать.

Я машинально взяла кружку, глотнула кипятка. Тепло стало разливаться по телу. Хоть что-то хорошее!

– Ладно, не переживайте, – сэр Кай пристроился рядом со своим стаканом. – В охрану обычно берут одиноких. Служба – дело непростое, опасное. Например, на лесной дороге встретит конвой миловидную дамочку, а казне потом выплачивать родственникам компенсацию за кормильцев, погибших в неравном бою. – поцокал языком. – Накладно!..

Я всхлипнула.

– ... так что никого у них нет. Скорее всего.

– Умеее вы утешить!

– Я такой! – согласился он. – Если вы готовы, надо ехать.

Чтоб засветло добраться.

– А-а... Пленники? Которых продать должны были. Где они?

– Не знаю, – пожал плечами. – Разбежались. Желаете догнать и принять активное участие в дальнейшей судьбе?

– Нет, – буркнула сердито.

– Тогда поторопитесь.

«Хэй! – взлетел в седло сэр Кай, – Но-о!» И выехал на дорогу, держа за повод еще двоих жеребцов, нагруженных «трофеями».

Я вздохнула, вылила остатки чая в костер, затушив тлею-

щие угольки, забралась на свою лошадь. Та недовольно дёрнула головой и тихонько затрусилась следом за маленьким табуном.

На выезде из леса рыцарь расседлал трофейных жеребцов, переложил поклажу на наших. Потом похлопал по крупам освобожденных коняшек, и те поскакали по дороге в обратную сторону.

– Вы же сказали, можно продать? – не поняла я его действий.

– Кони стражи клейменные. Если попытаемся сбыть их, нарвемся на неприятности.

– А мечи? Их не опознают?

– Оружие военного образца – им полстраны экипировано, включая разбойный люд. Тут отследить владельца не так просто.

– Нас не примут за него? За люд.

– Что-то вы стали проявлять несвойственную осторожность, леди, – хмыкнул он. – Лучше, конечно, позже, чем никогда. Но просто доверьтесь мне.

(Как-будто у меня выбор есть!)

Остаток пути мы проделали пешком, дабы не утомлять и без того уставших, да еще и нагруженных железом лошадок. Ничего так прогулялись. Километров двадцать.

Город не сильно-то впечатлил размерами и архитектурой – одно-, двухэтажные деревянные домишки, узкие улочки,

мощные дощатым настилом... Зелени, правда, много. На любом незанятом постройками кусочке земли дерево, куст, аккуратно стриженный, или же просто вазон с цветами. Обилие растительности удивило и порадовало. Люблю растения. Особенно деревья.

Людей – горожан – оказалось значительно меньше, – в основном те, с кем мы подошли к высоким деревянным воротам, обитым железными полосами – поток торговцев, искателей приключений или работы вроде нас. Стража провожала взглядами всех, останавливая подозрительных для проверки документов, телеги с тюками – для досмотра. Поток прибывающих, правда, не слишком при том задерживался. Я старалась сохранять вид равнодушный и спокойный, старалась внушить себе, что рыцарь сумеет разругать острую ситуацию, хотя поджилки слегка тряслись, ведь не то что документов, даже купчей на приобретение меня Кирьяном Савичем не догадалась захватить. Да здравствует свобода от рабства? Вот сейчас и посмотрим, как все равны пред лицом Гора, крылья простирающего... Интересно, а какое лицо может быть у бога с головой птицы?

Стражник окинул нас сонным взглядом.

– Что везете? – кивнул на груз.

Рыцарь сделал глупое лицо – очень убедительно, кстати, получилось!

– Утварь, господин! Утварь на продажу, – и похлопал по мешку, из которого тут же выпал наш походный котелок. Ры-

царь поднял и затолкал его обратно. Глянул искоса на меня, бурча:

– Девка криворукая! Говорил, вяжи туже!..

– Проходи, – махнул рукой стражник.

Два усталых запыхавшихся путника не вызвали у него подозрений. И меч мой не вызвал. Или тут в порядке вещей рыться в тюках на предмет контрабанды, а волшебные мечи за спиной у каждого второго – эка невидаль?!

И мы просочились в город с разномастной цветастой толпой.

– А где же дворец? – оглядывала постройки, прикидывая, какая из них может сойти, если не за дворец, то хотя бы за походную резиденцию здешнего монарха.

– До дворца еще ехать и ехать, – хмыкнул рыцарь. – Мы в пригороде. Почти на задворках главного поселения. Аудиенция обычно с утра, так что сегодня отдыхаем, приводим себя в порядок, а завтра наймём повозку и отправимся к концу нашего путешествия.

Он нахмурился, задумался о чем-то.

– Знаете, леди, как бы ни повернулись завтрашние события, хочу, чтоб вы помнили обо мне, о нашем недолгом странствии. Мне, поверьте, было приятно и радостно сопровождать вас.

– Вы словно прощаетесь, – удивилась я. – Или... Что может случиться? Завтра.

– Всякое, – замялся сэр Кай.

– Например?

– Например, меня могут арестовать...

– За что?!

– Есть за что, поверьте.

– Вы разбойник? Беглый преступник?

– Вам необязательно знать деталей. Пока во всяком случае. Одно скажу – я не разбойник и не преступник. Закон не нарушал. Хотя последнее – как посмотреть!..

– Я не понимаю, – покачала головой. – Вы добрый и заботливый! Настоящий благородный рыцарь. Не знаю и знать не хочу о вашем преступном прошлом. Просто не могу в него поверить! Храните свою тайну, я не настаиваю, но, если всё так серьёзно, зачем мы сюда ехали? Ну, или давайте просто не пойдем на аудиенцию.

– Увы, придется. Уже объяснял, почему и зачем. И я не из пугливых, леди. Пусть случится то, что должно. «Серьёзно» – это вы верно подметили. Но, повторяю, я был счастлив встретить вас!

На этих словах он крепко поцеловал меня в губы. Кто-то из прохожих радостно заулюлюкал и заплодировал.

Рыцарю удалось за вполне достойную, по его словам, цену продать наших лошадок и трофеи. Причем, когда кузнец поинтересовался, откуда у нас мечи, шлемы и еще кое-какие предметы из воинского снаряжения, сэр Кай опять притворился дурачком и твердил, что «там многась валялось». Где

«там»? «Ну, так, где вороны по поляне шастают! Известно, где!»

Кузнец махнул рукой и принял всё железо.

В местном аналоге салона красоты меня отмыли, привели в порядок одежду и волосы. Из разбойницы с большой дороги я превратилась во вполне элегантную молодую даму. Волосы у меня средней длины, до плеч, но их как-то ухитрились заплести в косу и уложить венком вокруг небольшой шапочки из золотой сетки, расшитой мелким жемчугом. Мужской не по размеру костюм сменился декольтированной блузкой из тонкой ткани с шелковой вышивкой «белым по белому», плотной синей шерстяной юбкой с таким же белым орнаментом по подолу и кожаным жилетом на шнуровке и ремнях, которыми удобно крепить ножны на спине – очень женственно, ничего не скажешь! Но расставаться с мечом я не хотела. Так и вошла в таверну, куда нас определил на одну ночь – последнюю ночь путешествия! – рыцарь. Сам он ушел договариваться о повозке, а я отправилась ужинать. Вся такая... нежная, воздушная... С огромным мечом за спиной.

Шагнула в зал, полный народу – так вот, где все горожане; на местной дискотеке! Приложила ладони ко лбу, подняла вверх. «Слався, Гор великий, крылами...» Никто на меня не обратил внимание.

В углу на небольшом подиуме менестрель перебирал струны лютни и мурлыкал романс «Не уходи, побудь со мной» томным бархатным голосом. Романс! До написания, которо-

го еще лет так пятьсот!..

Пухленькая проворная тавернщица ловко сновала между столами, разнося огромные подносы с яствами, собирая пустую посуду. Оглянулась на дверь, где я все еще стояла на пороге, не решая, где приткнуться, и... чуть не выронила поднос. С воплем: «Маруська!» метнулась ко мне, кинув посуду на чей-то стол, и чуть не задушила в объятиях.

– Юнка! Ты?!

– Я! – всхлипнула она. – Маруська!! Как же?!..

– Да вот... – растерялась я.

Она оглядела меня с ног до головы. Вздохнула восхищенно:

– Какая же ты красивая!

Ага! Видела б ты меня во время побоища на памятной поляне!..

Заметила меч.

– Ух, ты! – слегка коснулась пальчиком рукояти. Ойкнула, отдернула руку, сунула в рот обожженный палец. – Ничего себе! Это что?! Ты теперь Зена – королева воинов?

Погладила осторожно седую прядь в моей прическе.

– Сколько же тебе пережить пришлось?!

– Потом расскажу. Давай сядем.

– Да, – засуетилась она. – Конечно. Идем к окну.

Грозным окриком выгнала из-за стола пару пьяных забулдыг, быстренько смела грязную посуду, принесла молока, горячего хлеба, миску мяса с овощами.

– Ешь! И рассказывай.

– Сначала ты. И где Ника, не знаешь? Она тоже здесь или...

– Да вон она, – Юнка махнула в сторону подиума. – Иди сюда!

И я поняла, почему менестрель показался таким знакомым. В цветастом костюме, берете с перышком, с лютой и романсом, до которого еще минимум пятьсот лет, – наша прекрасная Ника ничуть не растеряла утонченности, благородства и женственности. Судя по одобрительным возгласам и аплодисментам, публика ее уважает.

Вот истинная артистка. Истинная леди! А я – так, пародия.

– Марианна! – ахнула Ника. – Не может быть!

– Моргана, – поправила я и крепко обняла обоих подруг. – Как же я вам рада, девчонки!

* * *

– Ну, и почему это случилось? – Юнка тискала в руках пустой стакан из-под молока, которое сама же рассеянно и выпила. – Почему мы здесь? Не скажу, что мне так уж не нравится, но, когда ложишься спать дома, а просыпаешься в средневековой клетушке в объятиях волосатого мужика, который глядит с обожанием и называет своей сладкой булочкой, испытываешь-таки легкое недоумение.

– Тебе повезло, – я дожевала ломтик хлеба с мясом. До чего вкусно! А ведь еще вчера казалось, что лучше кролика на вертеле ничего и быть не может. – Я очнулась в куче навоза. Да еще и рабыней.

– Чё, правда?! – округлила глаза Юнка. – А здесь как оказалась?

– Долго рассказывать. Не хочу сейчас. Потом как-нибудь.

– Ладно, – покладисто кивнула подруга, отломилла хлеба и рассеянно зачерпнула из моей тарелки соуса с куском гуляша. Пожевала, грустно вздохнула. – Иногда домой хочется. А потом как вспомню... Вечные заботы о фигуре, одиночество, зарплата, что только на овощи хватает. Экономишь вечно, экономишь, чтоб раз в год пожить пару недель по-человечески на море...

– Не так уж мало получает главный менеджер, если на поездки в Доминикану хватает, хоть и раз в год. – улыбнулась Ника. – Получал. В другом мире. А тут... Я вот всю жизнь петь хотела и не только одна и в душевой.

– И поёшь.

– Угу, – вздохнула наша девушка-менестрель. – И даже не в душе.

– Я думаю, девчонки, – подвинула тарелку ближе к Юнке, и та с удовольствием принялась ее опустошать. – Я уверена, мы сами создали этот мир.

– Как это? – Юнка проглотила очередной кусок, вытерла губы краем передника. – Мы чё, типа богини?

– Вы, конечно, знакомы с теорией Эверетта.

– О, да! – важно кивнула подруга–тавернщица. – Почитываю постулаты на ночь каждодневно!

– Это... о множестве миров? – наморщила лоб Ника.

– Да.

– А каким боком тут мы?

– Основа теории в том, что вселенная (или мультивселенная в нашем контексте) состоит из квантовой суперпозиции очень многих, возможно даже бесконечно многих, параллельных миров. Каждое наше действие, любой выбор, порождает альтернативную линию вероятности, в которой версии нас самих продолжают жить, развиваться по иному сценарию, в свою очередь формируя решениями и предпочтениями все новые и новые реальности. По теории Эверетта другие истории или миры вполне материальны, поскольку универсальная волновая функция признаётся основной физической сущностью.

– Тебе видней, – кивнула Ника. – Ты у нас физик.

– Квантовая физика – не мой конёк, – скромно заметила. – Так что тоже многое приходится принимать на веру. Однако, анализируя нашу ситуацию, кое-какие выводы можно сделать.

– Например? – изогнула бровь Юнка.

– Например... – я задумалась на миг. – Во вселенной троичная система гораздо совершеннее двоичной. Она учитывает минимально необходимое и достаточное условие для

кванта информации. Не ноль и единица, а ноль, единица и минус единица. Три значения, три координаты. На соответствующем принципе основан метод триангуляции. Например. В геометрии, топографии, системе GPS... А в нашем случае троичная система расширила возможности квантовой вероятности. Я бы назвала этот процесс вариантом эвретической триангуляции. Три точки для определения точного местоположения, три точки, через которые можно провести только одну плоскость, Плоскость – частный случай сферы, замкнутой системы. Вселенной. Три матрицы для создания реальности с конкретными свойствами – минимальное достаточное условие.

– И как я не догадалась? – поджала губы Юнка. – Всего три кото-матрицы, и вот мы тут. Ты с братьями Вачовски связывалась? Нет? Предложи им вариант очередного псевдонаучного сериальца. Пусть сценарий напишут. Крутой фильм выйдет!

– Я знала, что ты меня поддержишь, – вздохнула я.

– И все же, как мы создали целый мир? – Ника, обняв лютню, с любовью смотрела на меня. Перышко на ее берете слегка покачивалось под легким сквозняком, гуляющим по залу.

– Просто пожелали, – пожалала плечами. – Мир отразил каждую из нас. Тут смешение времен, религий, науки и магии. Мистики и материализма. Все, что накопилось у нас в памяти и подсознании. И тем не менее, это полноценный мир

со своими законами, социумом, культурой, историей.

– Ай, да мы! – Юнка запихнула в рот очередной кусок. – А драконы тут тоже есть? Ты не встречала? А то я столько сказок в детстве про драконов и принцесс прочитала!.. И почему тогда я не принцесса? Эт чё, получается, я хотела командовать забегаловкой? Подавать пиво громилам? А Ника мечтала тренькать на балалайке, развлекая подвыпившую публику? Не похожа она на оперную диву! Не обижайся, Ник.

– Я не обижаюсь, – прошелестела Ника. – Как можно обижаться на правду?

– А ты чего хотела? – Юнка задумалась. – Чего-то там в эфир выдала про лубофф и прынца... И превратилась в Зену?

– Человек бесконечен в своих желаниях. Никогда не довольствуется тем, что есть, отправляя во вселенную, неистовое "хочу-хочу-хочу". А когда получает, удивляется и недоумевает – за что мне *такое*?! Разве я *этого* просил?! И не подозревает о собственных глубинных мотивах и чувствах, а не пустом "миллион долларов и круиз на Карибы".

–А чем плох круиз? – хмыкнула Юнка – И миллион.

–Да ничем, – пожалала я плечами, – только это мелко и сюе-минутно. А вселенная откликается на крик. Крик души. Истинный! Правда, откликается весьма своеобразно! Воистину «бойся желаний своих»!

– Крик? Это я могу, – Юнка набрала в грудь воздуха, словно и впрямь собралась завопить. Не знаю, как вселенная, а

таверну на уши поставила бы. И с улицы бы прибежали, проверить, кого так смачно убивают?

– Спой-ка, сладкоголосая! – могучий мужик в суконной рубахе, таких же штанах, в которых поместилось бы две меня, и место свободное осталось, и жилетке из столь памятного мне по запаху козла, шмякнул перед Никой небольшой кожаный мешочек с глухо звякнувшими монетами. – Про отвагу, бой, несгибаемость. Душа просит!

– Э-гей! – махнули кружками такие же громилы за соседним столом.

Ника, наша утонченная, рафинированная Ника, подошла к громилам, улыбнулась, слегка поклонилась. Тронула струны, проверяя настройку. Короткий проигрыш – лютня опробовала и приспособилась к новой мелодии, новому звучанию.

«...Идёт охота на волков,
Идёт охота —
На серых хищников
Матёрых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу – и пятна красные флажков.

Я из повиновения вышел:
За флажки – жажда жизни сильней!
Только – сзади я радостно слышал

Удивлённые крики людей.

Рвусь из сил – и из всех сухожилий,
Но сегодня – не так, как вчера:
Обложили меня, обложили —
Но остались ни с чем егеря!..»

В конце каждого куплета Ника делала небольшую паузу, и компания за столом хором вставляла раскатистое «и-эх!», ударяя кружками об стол. Ника не подражала Высоцкому с его хрипотцой и акцентированием на отдельных словах, пела высоким чистым голосом – мы с Юнкой даже не подозревали о таком ее вокальном таланте! – но достаточно отчетливо и резко. Никакого мурлыканья и придыхания, как в лирической серенаде ранее. И слово «ружьё» заменила на «арбалет». Для достоверности и соответствия эпохе.

Гроыхнуло последнее «и-и-эх!» с заключительным аккордом, и мгновенная тишина в таверне разразилась овацией, одобрительными возгласами и улюлюканьем, – не Кремлевский дворец и даже не Букингемский; народ выражает эмоции и одобрение искренне, открыто и как может. Ника скромно поклонилась и вернулась в наш угол.

Через минуту хозяин заведения лично уставил стол всевозможными яствами – блюдом с овощами и жареными перепелками, фаршированными фисташками, корзинки с сахаренными фруктами, пирогами, пирожками и кренде-

лями. Венчала кулинарное великолепие бутылъ с рубиново-красным вином. Готова поклясться, что точно с таким же, что и в день нашей встречи в ресторане.

– От благодарных слушателей! – учтиво поклонился таверщик и подмигнул Юнке.

– Что, если мы вернемся? – Ника аккуратно положила лютню на скамью рядом с собой. – Как думаешь, ученая ты наша, этот мир исчезнет? Если он существует, благодаря нам.

– Про весь мир не могу сказать, – пожала плечами, – но его варианты по шкале квантовых вероятностей, думаю, останутся. Как с нами – версиями нас – так и без.

– А я не хочу возвращаться, – шмыгнула носом Юнка, накладывая в свою тарелку горку яств, небольшую такую. – Тут у меня муж, который души не чает, тут я нужна, занимаюсь любимым делом. Я ведь обожаю готовить.

– А пиво громилам?

– Это ерунда. Можно потерпеть. Да и платят они, не скупясь.

– Вернёмся или нет, другая Юнна тут останется. По теории эвереттической вариативности.

– А ты, Марусь? – Ника с нежностью погладила лютню. – Получила, что хотела?

Ответить я не успела. Дверь таверны распахнулась, и по залу, звеня шпорами новых сапог, торопливо прошагал сэр Кайлан. Шляпа с пером, плащ, перчатки с ажурным орна-

ментом, батистовая рубашка, брюки из тонкой кожи – при-
оделся, однако! – весьма эффектно выглядел мой рыцарь
и попутчик. Русые кудри, голубые глаза, борода, аккурат-
ная, подравненная, а не бесформенная щетина, отросшая за
время нашего путешествия. (Боги! Как же я люблю борода-
тых мужчин!) К тому же чистый, отмытый и причесанный.
Неплохую цену взял по всему за добытые в бою железяки. Я
думала, только на меня денег хватило, а оно вон как!

– Дамы! – поклонился нам. – Прошу прощения, но вы-
нужден похитить леди Моргану. У нас срочное дело.

– Принц! – открыла рот Юнка. – И конь белый?

– Какой конь? – не понял сэр.

Девчонки уставились на меня. Я пожала плечами. Встала.

– Она ж не поела! – засуетилась Юнка. Метнулась куда-то
в недра кухни, вернулась с сумкой, в которую уложила жареную
курицу, завернутую в полотенце, несколько яблок, и в
довершение затолкала бутылку с вином. Улыбнулась хитрень-
ко.

– Ну, всё теперь.

Обняла меня.

– Ты ж вернешься?

– Постараюсь.

Глава седьмая

– Почему такая спешка? – я еле поспевала за рыцарем,

когда мы мчались через какую-то площадь к автостоянке ряду карет, двуколок, больших добротных экипажей для размещения целого семейства с чадами и слугами в длительном путешествии. Меч больно бил по спине, рыцарь капканом сжимал мою ладонь так, что побелели пальцы.

– Король отменил завтрашнюю аудиенцию, и в полночь отбывает в Южную крепость для командования военными манёврами. Я немного просчитался со временем. Думал, мы успеем за день-два до его отъезда.

– А в чем проблема? Вернется же он, тогда в гости и наведемся.

Сэр Кай резко остановился, глянул на меня потемневшими в свете факелов глазами.

– Я слишком долго ждал, чтобы потерять еще три месяца.

– Да что же у вас за срочность такая?!

Он не ответил. Просто втолкнул меня в маленькую повозку, крытую вощенным сукном, запрыгнул сам, махнув возникше:

– Трогай!

И мы отчалили.

Экипаж наш потряхивало и подбрасывало на ухабах и рытвинах. Дешевая тележка, что от нее ждать? Хотя про амортизаторы тут, вроде, уже знают. Но все же не верхом скакать на непослушной зверюге и не пешком тащиться за ней же. Можно потерпеть. И даже отдохнуть. Любоваться пейза-

жами, правда, проблематично по причине темноты безлунной ночи, но мне не очень-то хотелось смотреть в окно. Даже успела подремать, несмотря на тряску.

– Просыпайтесь, леди!

Рыцарь выпрыгнул из повозки, подал мне руку, помогая выбраться.

– Где это мы? – огляделась, стараясь определиться, но ничего не поняла. Какие-то люди бегают, таскают тюки к повозкам и каретам, упаковывают, увязывают. Стражники с факелами вдоль дороги, всадники, от которых то и дело приходилось уворачиваться, ибо те нисколько не заботились о целостности и сохранности спящих прохожих.

Двое охранников преградили, было, путь, но рыцарь рывкнул: «Дело государственной важности!», и они отступили. А мы вылетели на широкую площадь, заполненную разодетыми дворянами, стражниками в доспехах, прочим военным и штатским людом. Посреди толпы на огромном коне в золоченой сбруе сидел крупный мужчина в расшитой одежде, плаще, отороченном мехом, такой же шапке. Богато одетых людей на площади много, но этот выделялся ростом и тонкой изящной короной поверх шапки.

– Успели! – выдохнул рыцарь.

Он подскочил к коню рослого всадника, бесстрашно схватил поводья.

– Король Эгмонд! – рывкнул, перекрикивая шум толпы. – Я, рыцарь Кайлан Константин Оливер Максвелл, сын герцо-

га Эрика Роберта Александра Максвелла, принца крови, вашего старшего брата, в присутствии свидетелей и палладина ордена Гора, заявляю о своем праве на королевский трон! Требую передать его мне добровольно, либо по ритуалу Истины.

На площади воцарилось молчание. Стих шум, все замерли, даже грузчики остановились со своими тяжелыми поклажами на плечах.

Король вскинул брови, оглядел наглеца с высоты своего огромного коня.

– Что??

Рыцарь повторил всю тираду на тон ниже, но все также твердо и не выпуская повод. Добавил.

– Я ваш племянник и законный наследник. Объявляю о претензии на престол.

– Да-да, – кивнул король и заметил грустно. – Теперь вижу некоторое портретное сходство с братом-мятежником. Двадцать лет назад я проявил слабость – сохранил жизнь тебе за малолетство и твоей матушке, даже обеспечил вам достойную, безбедную жизнь. И теперь должен пожалеть о решении? Стража! Арестовать наглеца!

– Стойте! – вскинул руки рыцарь. Направившиеся к нему стражники под предводительством старого грузного вояки – начальника? Вроде, должность начальника называется капитан? – остановились.

– Я – принц крови и согласно закону, неприкосновенен

до прохождения Испытания. После можете делать со мной, что хотите. Закон не позволительно нарушать никому, даже королю. Тем более королю!

По толпе пробежала волна шепотков. Начальник стражи хмуро поглядывал то на сэра Кая, то на короля и не торопился выполнять приказ об аресте. Присутствующие явно были на стороне рыцаря. Или закона. Что за закон такой? Что за испытание? И рыцарь... Оказывается, он – принц? В самом деле принц?! Вот так история! Вот так аудиенция выдалась! А я тогда здесь с какого боку?

– Подтвердить твоё право на Испытание может только палладин, – надтреснутым голосом произнес король. – И где же он?

Взгляды толпы, Кая и короля скрестились на мне. (Что?!...) Король захохотал, с ним несмело захихикали самые отважные придворные. Даже начальник стражи хмыкнул в густые усы. Через минуту веселилась вся площадь.

И что смешного? У меня платье надето задом наперед? Или на лбу написано неприличное слово? Не выношу, когда надо мной хихикают! Кончики пальцев начали наливаться светом.

– Леди! – рыцарь-принц в одно движение оказался рядом со мной. В потемневших глазах его плескался безумный голубой огонь. – Обнажите меч.

– Но...

– Быстрее! Или нам обоим конец.

Ладно. Хотя всё это как-то странно и... нехорошо.

Клинок привычно зазвенел, покидая ножны. Вспыхнули руны, засияла звезда. По толпе пронеслись вздохом слова «око Гора!», и наступило гробовое молчание.

– Хорошо, – наконец вынес решение король. – Если ты не боишься. Двадцать восемь лет назад клинок Гора подтвердил мое право на правление, и ты первый, кто за эти годы решил оспорить его.

– Я не боюсь! – утвердил свой вызов рыцарь. – Пусть свершится то, что должно.

– Что ж, ты подписал свой приговор.

С этими словами король развернул коня и поскакал куда-то во тьму, сопровождаемый конвоем верховых факельщиков.

Отряд стражей окружил нас с Каем.

– Вперед! – скомандовал усатый капитан, и нас повели следом за королем.

* * *

– Что происходит?! – прошипела я в ухо рыцарю. – Какого Сета тут происходит? Можешь объяснить??

– Двадцать восемь лет назад, – вполголоса начал рыцарь, – нынешний король и младший брат моего отца заявил, что хочет пройти Испытание. И прошел. Его отцу – моему деду – пришлось уступить трон согласно закону. За восемь лет

правления Эгмонд показал себя жестоким и недалёковидным. Разорил страну войнами, узаконил рабство, непомерно увеличил налоги. Отец пытался вразумить брата. Когда не помогло, заявил, что по праву старшинства законный наследник трона он, и потребовал вернуть корону.

Рыцарь вздохнул.

– Я совсем маленький был, когда его арестовали по обвинению в мятеже. Судили, отправили на передовую линию фронта очередной войны простым пехотинцем. Он погиб в первом же бою.

– Мне очень жаль!

– Мне тоже, – стиснул кулаки новоиспеченный принц.

– Так всё это ради мести?!

– Отчасти.

– А меня зачем впутал? Я никакой не палладин, и когда обман вскроется... Мне страшно представить, какой суп из нас сварят! Я бы так и поступила с наглецами.

– Дело не столько в тебе, сколько в мече. Палладины Ордена Гора при посторонних обычно скрывают лица. Скрывают от всех, кроме членов братства, особо доверенных слуг и спутников. Их главный постулат «мы все равны пред ликом бога». Но равны не все, потому что лишь некоторые из них – очень немногие! – могут владеть клинком, получившим название «око Гора», клинком, который вершит судьбу, избирая достойнейших. Я выслеживал одного из них почти два месяца, даже не зная, как он выглядит, но надеясь попытаться

ся убедить помочь мне. Когда увидел тебя в той деревушке с «оком Гора» в руках, понял, что мой час настал. Ты можешь утверждать, что не принадлежишь ордену, не давала обетов. Храни свою тайну. Однако меч в твоих руках говорит сам за себя.

– Выслеживал... А почему не обратился напрямую, открыто в Орден? Мол, так и так, ребята, нужна ваша помощь.

– Обращался. Отказали. У них-де проблемы поважнее моих. Политика их не волнует.

– Понятно. И ты пустился во все тяжкие... Ну, хорошо. Допустим(!), моему слову поверили. Вот ты покрасовался перед толпой, показал, насколько отважен и крут, а дальше что? Будешь драться с королем на арене? Что еще за испытание? И какова моя роль, если она еще не закончилась?

– Увидишь. От тебя требуется лишь встать перед троном – там плитка синяя, вот на неё – и поднять меч. Больше ничего.

Слишком просто. Или рыцарь чего-то не договаривает, или... Впрочем, боюсь, выбор у меня небольшой. События закрутились с такой скоростью, что спрыгнуть с карусели уже нереально. Я шла в неизвестность и угрюмо думала, насколько же реальность отличается от фантазий и мечтаний, что внушают романы о красивой любви. Не секрет, конечно, но уж если новая Реальность приняла нас, что ей стоило быть чуток снисходительнее? Иначе, зачем всё?..

Ничего во вселенной не происходит просто так. Причинно-следственные связи никто не отменял.

Привели нас к руинам не то храма, не то старинного святилища. Живописно разбросанные валуны, обломки резных колонн, увитые плющом, заросшие травой и мхом. В центре небольшой площадки, выложенной квадратными плитами, на возвышении массивный трон с высокой спинкой. Примечательное такое сооружение из белого камня, со львами, служащими подлокотниками. По спинке трона спускалась до сиденья затейливая металлическая вязь. Львы тоже поблескивали в свете факелов стальными гривами. Живописно! Особенно в свете трепещущего огня.

Факельщики выстроились вокруг площадки полукругом. Капитан стражи подошел ко мне.

– Палладин, прошу! – и указал на восьмигранную плиту в центре, напротив трона.

Стража расступилась, освободив место участникам состязаний. Боги! Только бы меня не заставили демонстрировать боевые навыки! А то ведь точно в суп отправят. Вот ведь связалась в историю! Чем плохо было у Кирьян Савича? Полола бы сорняки, окучивала картошку, вечерами носки вязала... Приключений захотелось! Получи!

Не скрою, меня слегка трясло. От неизвестности. Ведь ожидание смерти всегда страшнее самой Костлявой.

Высокий старик в белом клобуке с изображением сим-

вола веры – стилизованного глаза! – и черном одеянии до пят, расшитом золотыми египетскими символами, вышел в центр, где уже стояли король и сэр рыцарь, босые, в одних длиннополых рубахах вроде той, что когда-то красовалась на мне.

– Воздадим славу Гору бессмертному, крылами застилающему небеса и хранящему нас покорных от бед и несчастий!

Толпа и священник поклонились, приложили руки ко лбу, воздели к небесам. Я не шелохнулась. Чего цирк разводить? Теперь-то уж.

– Да благословит Гор, крылами застилающий, сих мужей, готовых пройти испытание мужества и стойкости!

Опять поклон, руки ко лбу и так далее.

– Не желает ли кто из вас, мужи отважные, отказаться без ущемления чести и достоинства?

– Нет! – широко улыбнулся рыцарь.

Он псих, точно! Одержимый псих!

– Нет! – угрюмо процедил король. Без богатой мантии и регалий он выглядел просто грузным уставшим стариком. Стоял бы на паперти с протянутой рукой, неплохую бы милостыню собрал!

– Да свершится божественный выбор!

Священник отошел к краю площадки, а король медленно направился к трону. Сел, положив руки на головы львов. Угрюмо уставился на меня.

– Ну?

Я взяла меч обеими руками, подняла к небу, как когда-то во дворе Хозяина. Звезда на кончике вспыхнула, налилась ослепительным синим светом... И вдруг сорвалась с клинка. Прочертив длинный зигзаг, парой молний ударила в ладони короля. Король глухо вскрикнул, дернулся и обмяк. Его руки сползли с львиных голов и безжизненно обвисли по обеим сторонам подлокотников.

Боги!! Я выронила меч, в ужасе глядя на эту сцену. Метнулась к трону вместе со священником. Похлопала короля по щекам...

– Уложите его на землю, быстро! – рявкнула стражникам. Те повиновались и стащили тело с трона.

Несколько минут в гробовой тишине я пыталась вернуть его к жизни. Искусственное дыхание, массаж сердца... Бесполезно.

– Он мертв, – вынес вердикт священник. – Король Эгмонд не прошел испытание. Гор сказал своё слово.

Гор? Ребята, вы в своем уме? Какой к дьяволу Гор?! На лицо поражение человека разрядом электрического тока! Цепь «рука-сердце-рука»! Должно быть у короля сердце было слабое, а то и больное, раз уж мои реанимационные мероприятия ни к чему не привели.

Тело завернули в покрывало и унесли. Я поднялась с колен в некоторой прострации. Вот так проверка мужества и чести!

– Испытание продолжается! – возвестил священник. – Сэр

рыцарь Кайлан Константин Оливер Максвелл, ваша очередь.

Кай пошел к каменному электрическому стулу. Я схватила его за руку.

– Не делай этого! Ты погибнешь!! Это безумие!

Да, он обманул меня. Точнее, рассказал не всё, не все свои намерения и планы. Но за время нашего путешествия и после памятной ночи в лесу... Короче, я не могла остаться равнодушной к судьбе небезразличного мне мужчины.

– Не бойся! – рыцарь взял мое лицо в ладони, поцеловал. В лоб, в щеки, в губы. – Месть свершилась. Теперь пусть восторжествует правосудие. Сделай, что должна.

Сел на трон, вдохнул-выдохнул несколько раз, положил ладони на львов. Я побрела к синей плитке.

Вытерла слезы со щек, подняла меч. Руки слегка тряслись. Надо успокоиться...

Повернулась лицом к толпе, священнику. Все не сводили с меня глаз. Безмозглые, суеверные дикари!

Стараясь унять дрожь в руках, медленно воздела клинок к ночному небу. Потекли огненные руны, ослепительно засияла звезда, и... Ничего не произошло. Молния не ударила. Никто не погиб.

Пару минут я так простояла, потом опустила «око Гора» и без сил упала на плиты.

– Испытание окончено! – возвестил священник. – Да здравствует король Кайлан!

Толпа зашумела, раздались приветственные возгласы, ап-

лодисменты.

Кайлан встал с трона. Народ тут же смолк; все склонились в почтительных поклонах, включая священника, и исключая меня.

Рыцарь... э-э-э... король помог мне подняться. Улыбнулся устало. Я улыбнулась в ответ сквозь опять набежавшие слезы.

Эпилог

– Как красиво! – всхлипнула Юнка, переворачивая последнюю страницу. – Боже, как красиво! Столько испытаний и в конце – заслуженное счастье! Ты такую вещь замечательную написала, Марусь! Неси в издательство обязательно!

– Ну, конечно! – покачала я головой. – Там таких, как я, как ... э-э-э... Много, короче. И куда более увлекательных, и талантливых. А я так, балуюсь, можно сказать. Сказки на ночь и все прочее.

– Не, девчонки, надо выпить за счастье, – Никак наполнила бокалы красным вином с золотистыми искрами. – Мы все его заслуживаем! И в таком виде, в каком хотим.

– Ты поосторожней с желаниями, – хмыкнула в кулачок Юнка.

– Да уж!.. Ничего. Всё будет хорошо. Давайте! – Ника подняла бокал.

– Я не буду, спасибо, – отодвинула рюмку. Один вид

этой... кровавой бурды заставил желудок подкатить к горлу.

– Маруськ, ты чего? Тебе нехорошо? Бледная... Не заболела?

– Я лучше вот, огурец пожую, – откусила маринованный корнишон, терпкий, острый, солено-кислый. Желудок одобрил и вернулся на место.

– Подруга, – слегка сощурилась Ника, – а ты часом... не того? У меня тест есть, дать?

– Всё нормально, девчонки, – я встала из-за столика. – Просто устала. Полежу, отдохну... С вашего позволения.

Подозвала официанта, попросила вызвать такси.

Дома села в прихожей на банкетку отдышаться и справиться с приступом тошноты.

Тест... Я и без теста уже знаю результат. Господи! Только этого не хватало!

Некоторое время назад приобрела необычную вешалку – вроде как для сумочек, судя по размеру и высоте. На массивной подставке, похожей на обломок валуна стилизованный меч с гардой из тонких витых лепестков.

Положила руки на эфес, прижалась лбом к прохладному навершию рукояти, закрыла глаза...

* * *

Рыцарь- король помог мне подняться. Улыбнулся устало. Я улыбнулась в ответ сквозь опять набежавшие слезы.

– Отдайте меч капитану, леди.

– Что? Зачем?! – удивилась я.

– Я видел вас в бою, но смею заметить, с таким количеством обученной стражи не справиться даже вам. Поэтому передайте «око Гора» начальнику охраны.

– Что происходит?! – нахмурилась я. – Я не понимаю, Кай...

– «Ваше величество», – поправил он и скомандовал. – Взять леди под арест!

Стражники обступили меня плотным кольцом, выставив мечи и пики. Нормально!..

– Леди Моргана Вестфалль, вы совершили убийство короля в присутствии множества свидетелей, – заявил рыцарь бесцветно и стараясь не встречаться со мной взглядом. – Палладин, лишивший жизни на испытаниях, предстаёт перед судом. Таков закон. И Ордена, и государства. Прости. Я ничего не могу поделать.

Я не верила ушам, не знала, что ответить, и что предпринять. В голове стало пусто и гулко. Мысли исчезли. Чувства исчезли, уступив место чему-то новому и ноющему – словно игра на одной струне в один звук.

Посмотрела на меч. Он еще светился, посверкивал тонкими змейками молний, руны текли, передавая владельцу тайное послание. Или заклинание?..

– Знаешь, что здесь написано? – хотела улыбнуться новоиспеченному монарху; кривовато вышло. – Что взять его

сможет только истинный король. Не хочешь попробовать?

Сэр Кай невольно сжал в кулак ладонь, еще не зажившую толком после ожога.

– Испытание завершено, и подтверждение моего права законом не требуется.

Выкрутился!

– Как пожелаешь. Твое величество, – пожала я плечами. Потом подняла клинок обеими руками, держа звездой вниз, и с силой вонзила в ближайший валун. Честно говоря, рассчитывала, что он расколется, погнется, – сломается, короче. Но меч вошел в каменную плоть как в масло.

Не доводилось видеть, как плавится и течет гранит, охваченный колдовским пламенем? Вот и мне не доводилось. Я вообще не знала, что гранит плавится. Крошится, трескается – да, но плавится?.. Он принял в себя клинок на половину длины того и снова затвердел.

Толпа ахнула.

Я полюбовалась деянием рук своих. Хотя поразилась ничуть не меньше остальных, сделала вид, что так оно всё и задумывалось. Пусть лучше тут красуется, чем исчезнет в королевских оружейных кладовках. Улыбнулась. Зловеще.

– Однажды к сему камню придет рыцарь с чистым сердцем и душой, с чистыми помыслами и королевской кровью в жилах, и меч покорится ему. А ты берегись!

Скрестив руки на груди, сэр король смотрел, как стража уводит меня. Величественный, прекрасный. Благородный...

Тюремная камера, в которую меня определили, являла собой зрелище точь-в-точь из рыцарских романов – каменная коморка, холодная, гулкая, с пучком сена на сыром полу. Вверху, под потолком зарешеченное окошко с тусклым светом хмурого утра. Пасмурного, дождливого утра новой эры государства.

Я не чувствую рук. Не только от холода. Они так туго связаны за спиной, что пальцем шевельнуть невозможно, не то что мобилизовать колдовскую силу. Рыцарь не забыл о моей магии, и постарался защититься от мести. Ну-ну!

Он явился примерно через час после определения преступницы в каземат. Уже не в рубище, но в расшитом бархатном костюме, плаще с меховой оторочкой, сапогах тонкой кожи. Без короны, правда, но с узелком, в котором оказалась Юнкина курица в дорогу и бутылъ вина.

Сел рядом со мной на вонючее сено. Не побрезговал!

– Прости.

Снял плащ, укрыл меня.

– Убирайся!

Дернула плечом, сбрасывая с себя парчу и мех.

– Руки развяжи!

И узришь моё прощение в действии. Правда, недолго.

– Извини, не могу. Принес поесть. Ты ж так и не поела.

Хочет насладиться зрелищем, как я ползаю по полу, пытаясь зажевать кусок мяса?

– Зачем пришел? Ты, кажется, достиг всего, чего желал, хотя пришлось для этого лгать, манипулировать, использовать, интриговать, – истинно королевские качества. Поздравляю, ты на заслуженном месте!

– Все равно без твоей поддержки я не прошел бы Испытание....

– Ты меня за идиотку держишь? – оборвала невежливо. Ничего! Пусть знает! – Какое испытание?! Какое божественное, в жопу его, провидение?! Как говаривал ходжа Насреддин, тут магии не больше, чем в хвосте моего осла! Все дело в троне. И в массе тела того, кто на него садится. Наверняка, под сиденьем пара контактов, замыкающих цепь. Цепь, через которую на металлические подлокотники подаётся потенциал для притяжения молнии, – вот и всё провидение. Дали бы мне покопаться, уточнила бы, что именно там. Думаю, положительный полюс сильного магнита.

Скорее всего в юности Эгмонд был тощий, как палка, как ты сейчас, и веса его костлявого зада просто не хватило для перемыкания контактов. Будь он поупитаннее тогда еще, всё бы сложилось иначе. А Гору дела нет до ваших тупых игр с электричеством. Сидит себе на жердочке, любитесь невеждами и посмеивается.

– Твоя мудрость и отвага достойны восхищения! – кивнул рыцарь. – Как и хула господы – порицания и наказания. Интересный вывод насчет трона. Может, еще скажешь, почему не каждый способен коснуться меча? Он тоже из серии «для

тощего зада»?

– Думаешь, не разобралась бы? Со временем.

– Вечером суд, – он замолчал, рассматривая свои руки. Не хотел встречаться со мной взглядом. Очень надо смотреть на тебя! – Я дам показания в твою пользу и защиту.

– Стоит ли? Я уже поняла, что с убийцами ваше правосудие не церемонится. Не поэтому ли тебе в Ордене отказали? И твоему отцу. Ты не упоминал, что он настаивал на Испытании.

– Отец не обращался в Орден. Знал, что победит, но не хотел смерти брата.

– Благородство у вас в крови! Семейная черта.

– Да, – не понял он моей иронии. Или сделал вид. – Ты мой друг, и поэтому...

– Друг... Которого сам же и приказал бросить в тюрьму.

– Я не могу нарушать закон. Даже ради дорогого человека.

– Или друг, или король. Как трогательно!

– Давай выпьем. Чтобы все закончилось хорошо.

– Угу, – буркнула я. – Быстро и безболезненно.

– Ну, зачем ты!..

А ни за чем. Мне уже все равно. Я уже ничего не хочу.

– Я принес твою походную чашку. Ты не расставалась с ней. Видимо, она тебе дорога?

Разлил вино. Себе в металлический бокал, мне – в деревянную плашку – бабкин подарок. (Как же давно это было!..) Поставил передо мной. Чокнулся с ней.

– За твое благополучие!

Облачко золотистых искр взметнулось из рубиново-красной жижи к каменному потолку...

* * *

Воспоминания уплыли, оставив налет грусти. Розовые единороги, прекрасные принцы, золушки, бальные платья пусть остаются в сказках. А жизнь... Жизнь реальная продолжается. Это ли не вдохновляет? И вообще! Не так просто сломить сильный дух, а слабой не считала себя никогда.

Я открыла глаза. По лезвию стилизованного меча-вешалки текли золотые руны. На конце острия сияла голубая звезда...

* * *

*